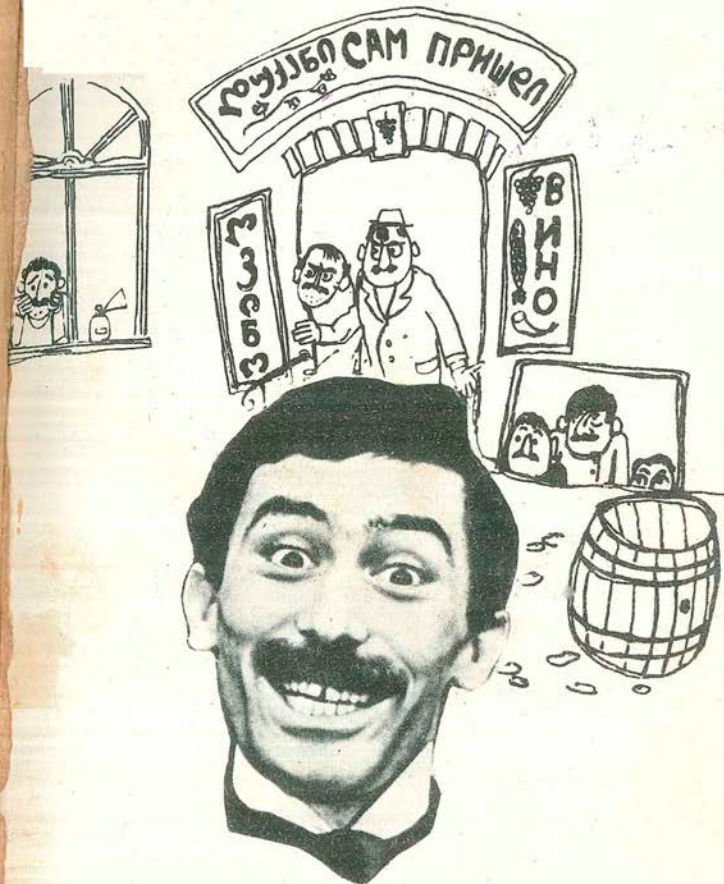
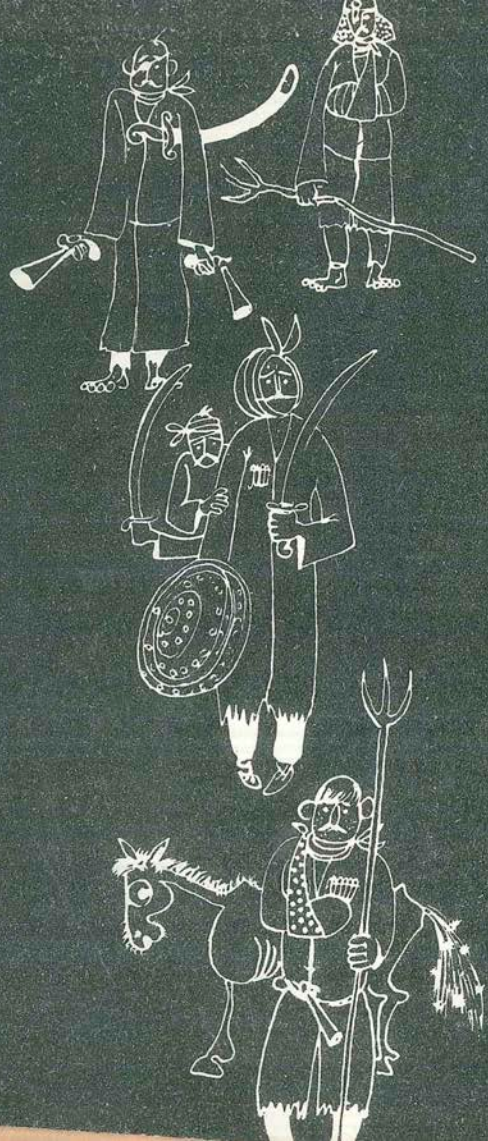

Р. ГАБРИАДЗЕ, Г. ДАНЕЛИЯ
не горюй!

Р. ГАБРИАДЗЕ, Г. ДАНИЕЛИЯ

не горюй!

8-1-5
136-140-71

РЕВАЗ ЛЕВАНОВИЧ ГАБРИАДЗЕ
ГЕОРГИИ НИКОЛАЕВИЧ ДАНЕЛИЯ

«НЕ ГОРЮЮ!»
Литературный сценарий

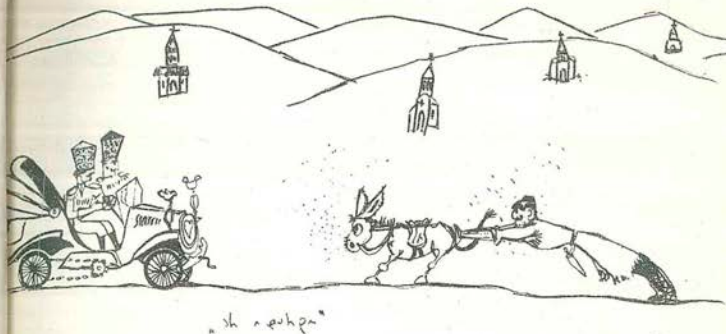
Редактор
В. Демин

Оформление и художественная редакция
Г. Александрова

Технический редактор
Н. Карпушкина

Корректор
Н. Корнеева

Сдано в набор 30/X 1970 г. Подп. к печ. 12/IV 1971 г.
А 05298. Формат бумаги 70×90^{1/32}. Бумага тифдручная.
Усл. печ. л. 4,68. Уч.-изд. л. 6,137. Тираж 30 000 экз.
Изд. № 15944. Издательство «Искусство», Москва, К-51,
Цветной бульвар, 25. Заказ № 1950. Ордена Трудового
Красного Знамени Калининский полиграфкомбинат Глав-
полиграфпрома Комитета по печати при Совете Минис-
тров СССР, г. Калинин, проспект Ленина, 5. Цена 32 коп.

Это было в Грузии в конце прошлого столетия.

В то прохладное июльское утро по выющейся между бирюзовыми холмами дороге двигались двое путников. Один из них, Бенжамен Глonti, молодой рыжий доктор, расставив длинные ноги, восседал на осле, другой же, Коста, шестидесятилетний крестьянин с гощей курицей в руке, шел пешком. Путники тихонько напевали в такт шажкам осла и время от времени потягивали из маленького бурдюка густое красное вино.

— Приехали,— сказал Бенжамен, когда за поворотом внизу, у подножия горы, показался кособокий черепичный городок.

Он оперся ногами о землю и, хлопнув осла по серому потертому задку, выгнал его из-под себя.

— Спасибо.

— Нет, это тебе, дорогой, спасибо! — запротестовал осто.— Но только разреши, мы тебя до дома доведем!

— Нет, я пешком...

— Но тогда, доктор, это возьми! — Коста протянул Бенжамену курицу.

— Не надо, друг мой, спасибо.

— Нет, это тебе, дорогой, спасибо! Возьми, умоляю!

— Нет, это я тебя умоляю!

— Но я первый попросил!

— Ну хорошо... Скажи отцу, чтобы пока не прыгал.

— Не будем!

— А через недельку я вас навещу...

— Я за тобой заеду!

— Не надо...

— Умоляю! — снова взмолился Коста.

— Нет, это я тебя умоляю!

— Ну спасибо...

— Нет, это тебе, дорогой, спасибо!

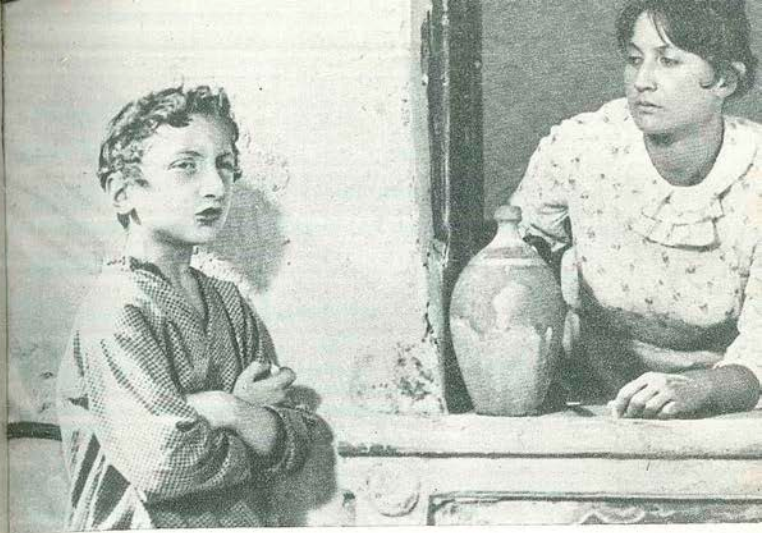
Коста вскочил на осла и поскакал обратно в горы, а Бенжамен, размахивая курицей, зашагал вниз к городку...

Варлаам, рыжий веснушчатый мальчишка лет одиннадцати, и его сестра, маленькая капризная Цицино, сидели на пороге узкого голубого домика, на дверях которого блестела табличка: «ДОКТОР БЕНЖАМЕН ВАРЛААМОВИЧ ГЛОНТИ». Между ними в медном тазу, в котором обычно варят варенье, расставив маленькие ножки, сидел Нико. Цицино и Варлаам купали брата, лили на него красное вино, Нико ревел на всю улицу.

— Добрый день, друзья,— приветствовал их адвокат Додо.— Это вино? — поинтересовался он.

— Нет, это уксус,— объяснил находчивый Варлаам, а более общительная Цицино добавила:

— Дядя сказал, что это очень хорошо для укрепления кожи.

Адвокат, видимо равнодушный к уксусу, облегченно вздохнул:

— Ха... А он дома?

— У него больной,— сказал Варлаам.

— Ва! — удивился адвокат.

Перед Бенжаменом сидел голый по пояс пациент, лысый мужчина лет сорока.

Рядом стояла мать, сухая старуха с волевым лицом римского legionera.

— Встаньте! Дышите! Одним словом, противоположное врачует противоположное, — говорил Бенжамен, переставляя светоскоп на обширной, густо покрытой растительностью груди пациента. — Глубже... Ибо медицина есть отнятие и прибавление. Ваше бедное сердечко переутомилось. Миокардиодистрофия.

— Нет, я пешком...

— Но тогда, доктор, это возьми! — Коста протянул Бенжамену курицу.

— Не надо, друг мой, спасибо.

— Нет, это тебе, дорогой, спасибо! Возьми, умоляю!

— Нет, это я тебя умоляю!

— Но я первый попросил!

— Ну хорошо... Скажи отцу, чтобы пока не прыгал.

— Не будем!

— А через недельку я вас навещу...

— Я за тобой заеду!

— Не надо...

— Умоляю! — снова взмолился Коста.

— Нет, это я тебя умоляю!

— Ну спасибо...

— Нет, это тебе, дорогой, спасибо!

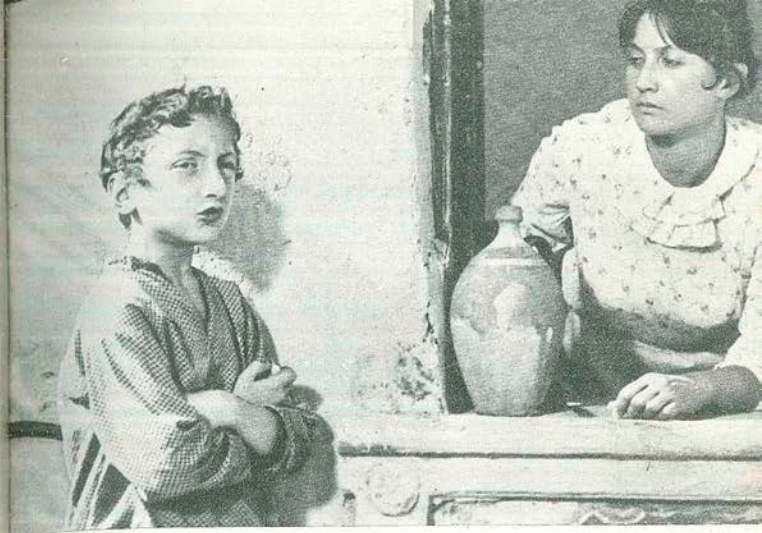
Коста вскочил на осла и поскакал обратно в горы, а Бенжамен, размахивая курицей, зашагал вниз к городку...

Варлаам, рыжий веснушчатый мальчишка лет одиннадцати, и его сестра, маленькая капризная Цицино, сидели на пороге узкого голубого домика, на дверях которого блестела табличка: «ДОКТОР БЕНЖАМЕН ВАРЛААМОВИЧ ГЛОНТИ». Между ними в медном тазу, в котором обычно варят варенье, расставив маленькие ножки, сидел Нико. Цицино и Варлаам купали брата, лили на него красное вино, Нико ревел на всю улицу.

— Добрый день, друзья,— приветствовал их адвокат Додо.— Это вино? — поинтересовался он.

— Нет, это уксус,— объяснил находчивый Варлаам, а более общительная Цицино добавила:

— Дядя сказал, что это очень хорошо для укрепления кожи.

Адвокат, видимо равнодушный к уксусу, облегченно вздохнул:

— Ха... А он дома?

— У него больной,— сказал Варлаам.

— Ва! — удивился адвокат.

Перед Бенжаменом сидел голый по пояс пациент, лысый мужчина лет сорока.

Рядом стояла мать, сухая старуха с волевым лицом римского легионера.

— Встаньте! Дышите! Одним словом, противоположное врачует противоположное, — говорил Бенжамен, переставляя светоскоп на обширной, густо покрытой растительностью груди пациента. — Глубже... Ибо медицина есть отнятие и прибавление. Ваше бедное сердечко переутомилось. Миокардиодистрофия.

— А как печень? — поинтересовалась старуха.

— Ложитесь. Так... Отнятие всего излишнего и прибавление недостающего... В порядке... И кто это лучше понимает, тот наилучший врач.

— А горло? — спросила старуха.— Кока, открой рот! Пациент покорно открыл рот и старательно протянул:

— А-а-а-а...

— Хватит,— отшатнулся Бенжамен.

— А теперь посмотри наверх, — велела старуха сыну.

Тот исполнил.

— Ну что? — спросила старуха.

— Хорошо,— на всякий случай похвалил Бенжамен.

— Так... Старуха довольно потерла руки.— А теперь, мамочка, снимай штаны,— приказала она сыну.

— В этом нет никакой необходимости,— предупредил Бенжамен.

— Нет уж, простите, мне хотелось бы, чтобы осмотр был доскональный. Встань, деточка!

Бенжамен пожал плечами и отошел к раковине, чтобы помыть руки.

— Так,— слышалось за спиной.— Кальсоны тоже... Доктор, посмотрите... Ну как?

Бенжамен прошел в угол и, взглянув на стоящего за ширмой совершенно голого Колу, весьма одобрительно сказал:

— Замечательно... Можете одеваться.— Бенжамен повесил полотенце, сел на тахту.

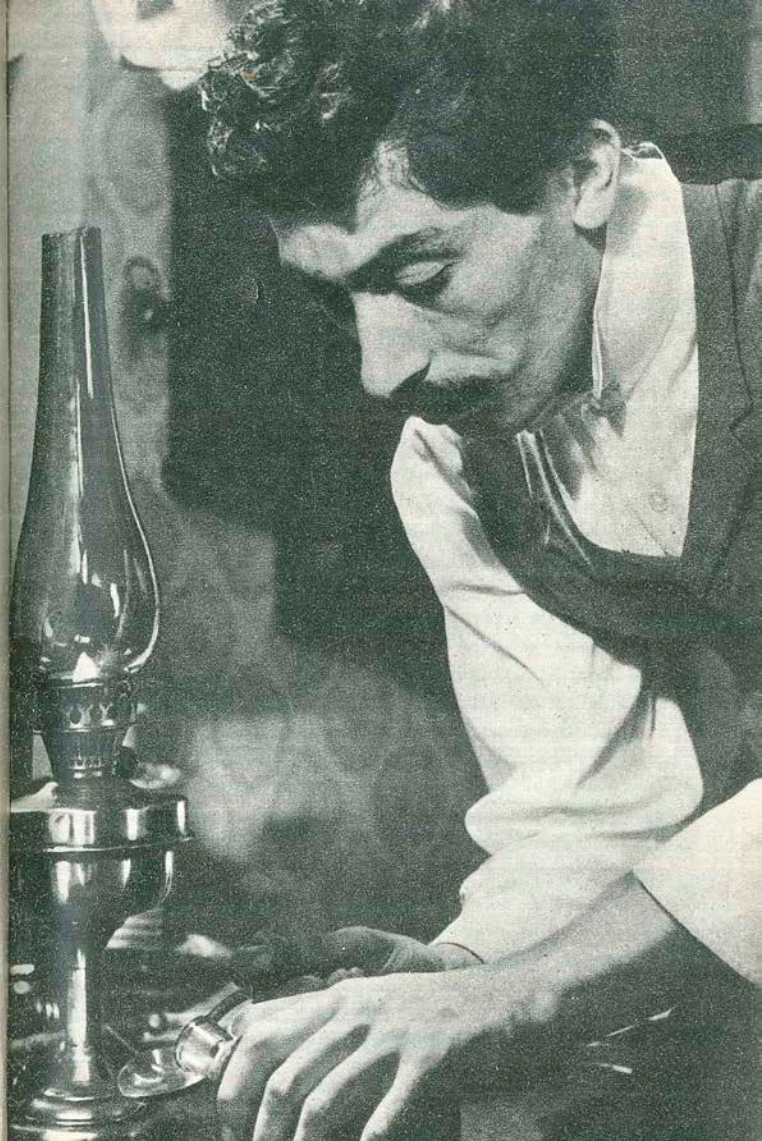
— Значит, только дистрофия? — Старуха присела рядом.

— Да.

— Ну что ж, пишите рецепт,— велела старуха.

— Мочион, гимнастика, покой — все, что я могу предложить.

Старуха недовольно тряхнула головой.

— Нет, позвольте. Мне рассказывали о ваших чудачествах, но учтите, что мы — Каландадзе и ничего не пожелаем для спасения своего ребенка. Пишите рецепт.

— Сударыня, — сказал Бенжамен, — от этой болезни лекарств пока нет. Свежий воздух, воздержание — вот его лучшие лекарства.

— В таком случае я не плачу вам ни копейки! — вскричала старуха.

— Как угодно.

Загромычала винтовая лестница, и старуха Каландадзе со своим сыном сбежала на улицу.

— Шарлатан! — ругалась старуха. — Неуч!

— Это вы о ком, сударыня? — В окне показалась Софиго, сестра Бенжамена.

— А вот об этом фигляре. — Старуха показала на мансарду. — Три часа мучил ребенка, а потом сказал: иди, гуляй, дыши свежим воздухом. И еще хочет, чтобы ему за это платили деньги! Аферист! Пойдем! — Она схватила сына за руку. Но тут раздался голос Варлаама:

— Мама, хочешь, я его стукну? — спросил он Софиго.

— Варлаам, нельзя бить маленьких, — пожурила она сына и, повернувшись к Коке, ласково сказала:

— Деточка, агу, ути...

— Кока, что ты стоишь? — вскричала старуха. — Разве ты не видишь, как оскорбляют твою мать! Пойди скажи что-нибудь этой интриганке.

— Оставьте меня! Оставьте меня! — заревел Кока и, тяжело дыша, побежал по улице.

Софиго, низко склоняясь над котлом в кухне, ошипывала курицу.

Ее муж Лука, рядом за дверью, высунув язык, старательно переписывал казенные бумаги.

— Вот так вот, сударыня, — бормотала Софиго, с остервенением выдергивая перья из тощей жилистой птицы. — Занимайтесь гимнастикой! А мы — принципиальные! Мы будем сидеть на шее у сестры... Она дура... Она верит, что скоро будет эпидемия... Она этой вороной накормит сто человек!

— Что ты сказала? — Лука оторвался от бумаг.

— Я сказала, что, если так будет продолжаться, я уйду в монастырь, а вы пропадите пропадом!!! — заорала Софиго.

— Хорошо, хорошо... — Лука снова уткнулся в свои бумаги.

По внутренней лестнице, стараясь не шуметь, сбежали Бенжамен и адвокат Додо.

— Бенжамен! — окликнула его Софиго. — Опять пьянствовать? — строго спросила она адвоката, вытирая руки о фартук.

— Что вы! Что вы! — ужаснулся Додо. — Мы идем на чай.

— На какой еще чай?

— В заведение святой Елены. Там сегодня чай с благотворительными целями.

Софиго недоверчиво посмотрела на адвоката.

— Клянусь честью! — Додо приложил руку к сердцу.

— Бенжамен, — заволновалась Софиго. — Там сейчас в этом заведении соберутся все девушки из хороших семейств. Обрати внимание на дочь Левана...

— Начинается... — пробормотал Бенжамен.

— Да, начинается. Обрати внимание на Мери. Лучшей партии тебе в нашем городе не найти. Я говорила с Леваном, он согласен...

— Обратим, обязательно обратим, — пообещал Додо.

— А ты помолчи. Что это у тебя такое? — Софиго вытащила из-под мышки адвоката сверток голубой ма-

терии и развернула его. Это была хоругвь с изображением св. Георгия Победоносца.

— Для чего тебе эта святая вещь? — строго спросила Софико.

Додо смутился.

— В память о выигранном процессе...

— Незачем она тебе... — Софико бросила хоругвь на кровать, достала из комода черную коробочку и протянула ее Бенжамену. — На, возьми с собой.

— Что это?

— «Флирт». Игра для любви. Лука знает, мы с ним играли.

Лука грустно посмотрел в окно на четверых ползающих в пыли детей.

— Лука, одевайся, ты пойдешь с ними, проследишь... Так вот... После чая ты, Бенжамен, раздашь эти карточки молодежи. Сам берешь вот эту. Запомни — вот эту... Я ее пометила крестиком. И посылаешь ее Мери... Что здесь? «Три грации считались в древнем мире. Родились вы — и стало их четыре». Ну, а она? Она, наверное, придет вот эту. Что здесь?.. «Счастливого юноша, ты всем меня пленил!»

Лука посмотрел на жену, и оба они смутились.

— Дай мне немножко, мама, — попросил Варлаам, не выдержав такой легкой победы дяди над прекрасной Мери, и тут же получил оплеуху от мамы.

Друзья бодро подошли к винному погребку под названием «Не покидай меня, голубчик мой!».

— У тебя сколько денег? — спросил адвокат Луку.

— Семь копеек... Но это она мне дала на чернила.

— Секундочку. — Додо скрылся в черном проеме погребка.

Напротив, под вывеской «Нафталин» сидел на пороге лавочки тучный Даниил и лениво колот грецкие орехи.

В тени под акацией смиренная монашенка, приподняв пальчиками черное платье, крутила ногой в холодной струе родника.

— Простудишься, сестрица во Христе, — улыбнулся ей Бенжамен.

Монашка испуганно опустила платье и засеменила вниз по тротуару.

Из духана пулей выскочил взволнованный Додо.

— Хам, невоспитанный хам! — проворчал он.

Друзья снова зашагали по улице.

— Значит, семь копеек? — строго спросил адвокат Луку.

— Да, но...

— Пойдем в «Сам пришел», — сказал Додо Бенжамену. — На две бутылки денег хватит.

— Две бутылки мало.

— Посылаем две, получаем четыре, посылаем четыре, получаем восемь...

Загородный духан «Сам пришел» расположился на берегу горной прозрачной реки, под громадной скалой, покрытой вековым мхом.

Оседлав толстый сук старого вяза, шарманщик Сандро крутил шарманку и пел, дирижируя себе ногами.

Под ним, на лужайке, за обильно накрытым столом сидел уже лет двадцать не протрезвлявшийся городской священник отец Гермоген.

— Батюшка, отец Гермоген, — сказал, свесившись с дерева, Сандро, — пойду я, а?

— Прокляну!.. — устало пригрозил отец Гермоген.

— Целый день, клянусь прахом отца, как птичка, на дереве сижу, а там больные пришли!

— Анафеме предам, ирод! Отлучу!

— Ух, чтобы я себе голову откусил! — проворчал Сандро.

На дереве снова застонала шарманка. Сандро крутил модную песню «Гимназист влюбился в гимназистку».

— Это вам, святой отец, — духанщица Марго почтительно поставила перед отцом Гермогеном две бутылки вина и мизинцем показала на окно духана.

Там, за пустым столом, с равнодушным, независимым видом сидели Бенжамен, Додо и Лука.

— Подай им четыре! — приказал священник духанщице.

«Не горюй!

Не горюй!» —

громко пели Бенжамен, Додо и Лука. Перед ними красовалась батарея бутылок. Тут же сидели отец Гермоген, шарманщик Сандро и еще какой-то человек в охотничьем снаряжении.

Охотник спал.

— Господа! — Адвокат Додо неверной рукой поднял бокал. — Рядом со мной сидит великий миссионер, гу-

манист и просветитель. Бенжамен, не надо вставать, сиди, мой друг... Господа! История золотыми буквами впишет имя этого человека в книгу веков рядом с Гипократом, Коперником и Георгием Саакадзе!

Отец Гермоген рывкнул:

— Амины!

Бенжамен поклонился, и все с готовностью отдали дань его достоинствам.

Хозяйка духана, краснощекая пышная красавица Марго, тронула Бенжамена за плечо.

— Доктор, посмотри моего мужа...

— Что с ним?

— Паралич.

Лицо сидящего посреди кухни духанщика Вано было так сильно перекошено, что казалось, будто он собирался откусить себе ухо.

— Отчего это у него? — спросил Бенжамен.

— Позавчера это с ним случилось. Хотел разгрызть орех, и вот, — объяснила Марго. — Доктор Леван сказал, что паралич, и велел делать клизму.

— Ну? — спросил Бенжамен, жадно поглядывая на пышную грудь хозяйки.

— Делаем, — ответила та шепотом.

Бенжамен взял со стола ложку, засунул ее в рот пациенту и, приподняв нижнюю челюсть, вправил ее на место.

«Паралитик» для проверки пощелкал зубами, потом вырвал ложку из рук Бенжамена, вскочил, кинулся к очагу, где висел котел с лобием, и принялся остервенело уничтожать его.

— Спасибо, доктор, — нежно сказала Марго. — А клизму можно продолжать?

— Можно, можно... Продолжайте! — страстно прошептал Бенжамен.

— Друзья, — говорил Лука, приятно улыбаясь. — Кончился чай, и мы начинаем игру!

Лука вытащил из кармана коробку с «флиртом» и жестом сеятеля рассыпал карточки по столу.

— Юноша! Не вздумал ли ты при мне, слуге божьему, затеять картежную игру? — насторожился отец Гермоген.

— Нет-нет, батюшка, упаси боже! Это «флирт»! Это для любви! Вот, например, вы — «мимоза»!

— А ты — ослиная задница! — по-своему понял правила игры отец Гермоген.

— Отец, это не так играется, — склонился к священнику Лука. — Вот почитайте: «мимоза» — «Счастливого юноша, ты всем меня пленил!»

— Что? — взревел отец Гермоген. — Анафеме предаю тебя! Ирод! Сатана! Сгинь, мартышка!

— Батюшка! — в испуге завопил Лука. — Я не хотел вас обидеть, батюшка! Я в эту игру с женой играю. Вот, например, я ей посылаю «настурцию». Что тут обидного? Тут написано: «Ах, почему другой лобзает твои очи и руку жмет твою...».

— Лука, у тебя получается, что твоя жена — шлюха, — сказал Бенжамен, подходя к столу.

— Кто шлюха!? Софико шлюха?! — Лука боком навалился на Бенжамена, схватил его за грудь и толкнул к бочке...

Худая женщина в черном прислонила пьяного охотника к дереву, что росло возле домика Бенжамена, и нетерпеливо подергала ручку звонка. Охотник был тот самый, который спал в духане за столом отца Гермогена.

Дверь открылась, и на пороге показалась освещенная тусклым светом керосиновой лампы Софико.

— Кто тут? — сонно спросила она.

— Это я — Тамара, — таинственно прошептала женщина. — Софико, успокойся, такова жизнь!

— Что?..

— Твой муж Бенжамена убил!

— Что?! Как?! Где?! Когда?!

— Играли в карты в духане и — вот! Ванечка! — позвала Тамара охотника.

Но того уже не было под деревом.

— Ванечка! Ванечка! Где ты?

— Я здесь. — Охотник выглянул из подворотни, где прятался по малой надобности.

— Скажи ей! — велела женщина.

— А... убили, убили, — подтвердил охотник и снова спрятался.

Софико поставила на стол лампу, метнулась к комоду и вытащила из ящика простыню...

— Это для чего? — шепотом спросила проникающая в комнату Тамара.

— На бинты, для Бенжамена. Если он еще жив.

Софиго вытащила из кованого сундука бурку, извлекла из какого-то закутка длинное кремневое ружье.

— А это?

— Для Луки. Ему надо бежать в горы... — Софиго направились было к двери, но остановилась и указала Тамаре на широкую тахту, где из-под лоскутного одеяла, как гозыри черкески, торчали рыжие головки ее пятерых детей.

— Посмотришь за детьми! — приказала она и выбежала в темноту.

Софиго, как была, в длинной белой рубашке, с папильотками в волосах, прижимая к груди бурку и зажав под мышкой ружье, бежала по залитым лунным светом пустынным улочкам ночного городка.

Когда она достигла середины площади, сверху, с боковой улицы, раздался бодрый звук зурны, и перед Софиго появились в танце «убитый» и «убийца». За ними шагом следовал фазетон. Додо в поповском одеянии спал на заднем сиденье, прикрыв лицо легкомысленным канотье.

— А-а! — взвизгивал Бенжамен, выкидывая коленца.

— Пьяница окаянный! — крикнула Софиго и свалилась без чувств на мостовую.

Очнувшись Софиго на тахте в своей комнате.

— Выпей это. — Бенжамен поднес ей ко рту столовую ложку.

— Не хочу, не надо... — Софиго слабо отвела руку брата. — Все, — сказала она, и по лицу ее потекли слезы. — Я ухожу.

— Софико, успокойся, я жив! Посмотри — жив! — Лука, как полено, держал под мышкой младшего сына, головой назад.

— Переверни ребенка, дурак, — тихо сказала Софико. — У вас нет ничего святого.

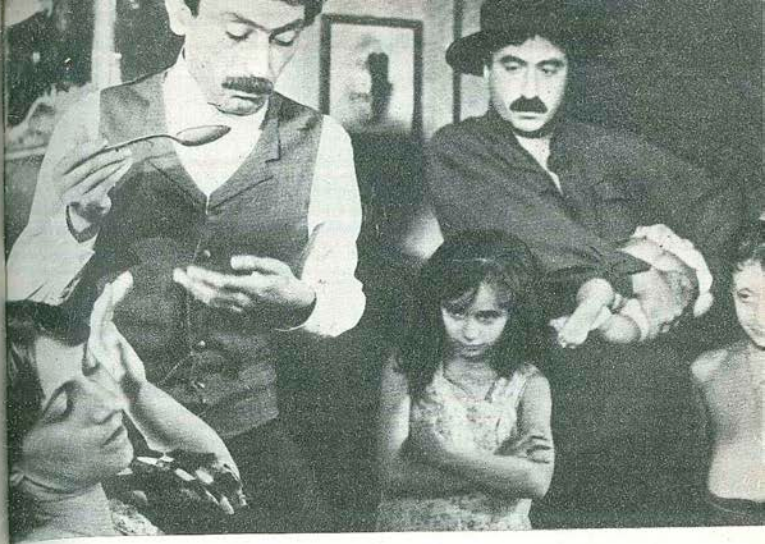
— Мы больше не будем, — пробормотал Бенжамен.

— А-а-а... Мне теперь все равно... — всхлипнула Софико. — Хотите — женитесь, хотите — не женитесь... Мне наплевать. Я ухажу.

— Слушай, женись ты на этой Мери, — сказал Варлаам Бенжамену. — Прекрасный загородный дом, усадьба, вот такие глаза. — Варлаам пальцами показал, какие огромные и красивые глаза у невесты Бенжамена.

— Женись сам, если она тебе так нравится, — проворчал Бенжамен.

— Я бы тоже на ее месте ушла, — сказала восьмилетняя Цицино. — Полный дом бездельников. Всех надо

напоить, накормить, обстирать. Дети неблагодарные, невоспитанные: будто в зверинце выросли. Брат весь в долгах, пьяница... Муж ни то ни се, ни рыба ни мясо. Очень неудачный муж. А могла спокойно выйти за генерала...

— Что?! — взревел Лука и схватил дочь за косу. — Как ты смеешь так говорить о родном отце!!

Девочка завопила.

— Отпусти ребенка, изверг! — Софико вскочила, но тут же схватилась за сердце и со стоном упала на тахту. — Я умираю!

— Мама умирает! — заплакали дети. — Женись, дядя! Женись!

— Хорошо, хорошо, женюсь, — не выдержал рева Бенжамен.

— Поклянись! — простионала Софико.

— Клянусь. Клянусь Варлаамом.

— Почему мной? — возмутился Варлаам. — Что, кроме меня, здесь никого нет, что ли?!

Духанщик Вано, стоя по колено в холодной быстрой воде, ловил рыбу. Он закидывал сеть, и она парашютом мягко ложилась на воду и пропадала в ней, захватывая врасплох глупую форель.

Дорога вилась, повторяя капризные изгибы быстрой рыжей реки. Бенжамен в сопровождении зятя держал путь к невесте в новую жизнь. Они шли по висячему мосту. На противоположном берегу реки виднелся духан «Сам пришел».

— Лука, — окликнул Бенжамен зятя.

Лука собрал голову в плечи и энергично замотал головой. При одной только мысли о выпивке ему стало плохо.

— Пить не будем, просто посидим, — упрашивал Бенжамен.

— Нет, нет и нет! — угрюмо отрезал Лука. — Если я не довезу тебя до невесты, твоя сестра оторвет мне голову.

Бенжамен вздохнул.

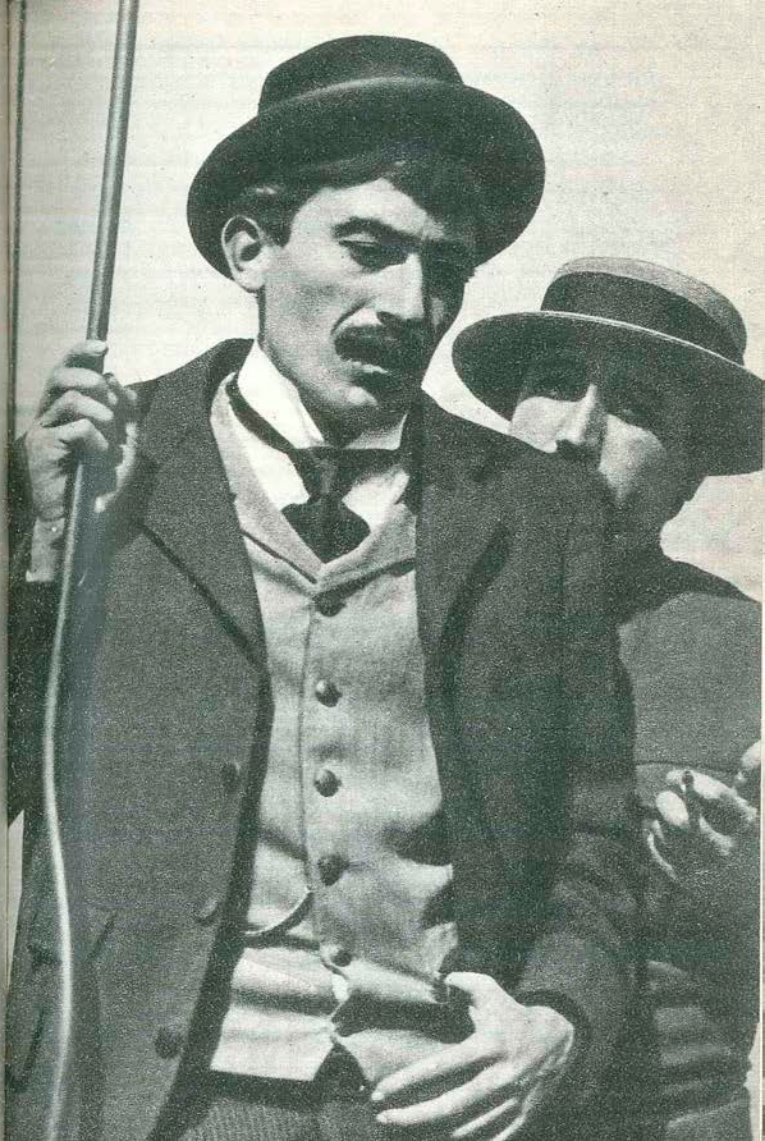
«...Солдатушки! Браво, ребятушки!» — донеслась бравая песня. Навстречу им по висячему мосту шел старый русский солдат в обтрепанном мундире. Рядом с ним гордо выступал маленький лохматый пес.

— Бог в помощь, православные! — громко приветствовал солдат Бенжамена и Луку. — Скажите, где тут Кутаис?

— Кутаис? — удивился Бенжамен. — Кутаис там. Вы оттуда идете, дедушка!

— Пфу, черт! Проскочил, значит, — беззлобно выругался солдат. — А где Тифлис? Там?

— Нет, там Стамбул!

— Нет, Стамбул нам не нужен. Мы с Эрзерумом там уже были. Там турки.

— Подождите, Эрзерум там, — показал ему Бенжамен.

— Эрзерум — это он. — Солдат показал на собаку.

— Эрзерум — собака? — удивился Бенжамен.

— Ну да. Да нет, зовут его Шарик, а кличка ему Эрзерум. Ну потому как он при Эрзеруме пашу в плен взял. Ухватил за шальвары и держит, подлец этакий.

— Лука, — сказал Бенжамен, показывая головой в сторону духана «Сам пришел».

— Да, — решительно сказал Лука.

Во главе стола, положив голову на тарелку, спал солидно подвыпивший Шарик. Лука и солдат сидели в небольшой прохладной комнате с земляным полом, именуемой духаном «Сам пришел».

— Счастливый ты человек, Егор, — с пьяной доверительностью говорил Лука, распластавшись по столу. — Отслужил свои двадцать пять лет — и свободен... Куда хочешь, туда идешь, что хочешь, то и делаешь... А я все переписываю, переписываю...

— Писарь, значит? А я вот всю жизнь — руби, коли да смирно, — грустно сказал солдат.

При слове «смирно» Шарик, покачиваясь, встал на задние лапы и замер.

— Вольно! — сказал солдат собаке. — Мы теперь, брат, в отставке.

Шарик отхлебнул из стакана и снова погрузился в пьяный сон.

— Да!

— Нет!

— Да!

— Нет!

— Но я должен прослушать тебя, царица! — Бенжамен с никелированным стетоскопом в руке гонялся по кухне за духанщицей.

— Я здорова! — смеялась Марго, бегая вокруг заваленного снедью стола.

— Вы все так думаете, радость моя!

— Я замужняя!

— Ну тогда — пульс!

— Я не такая!

Бенжамен попытался поймать «свою радость» за руку, та отскочила, споткнулась и села в деревянную лохань, где плавала живая рыба.

Вано, муж духанщицы Марго, с перекинутой через плечо сетью и связкой форели в руке пересек двор, открыл дверь в кухню и замер...

Посреди комнаты доктор Бенжамен Глонти целовал его жену.

— Э-э-э! — завопил Ваню, схватив огромный кухонный нож. — Заколю!

Марго в испуге шарахнулась, но Бенжамен удержал красавицу и как ни в чем не бывало спокойно приложил стетоскоп к ее щедрой груди.

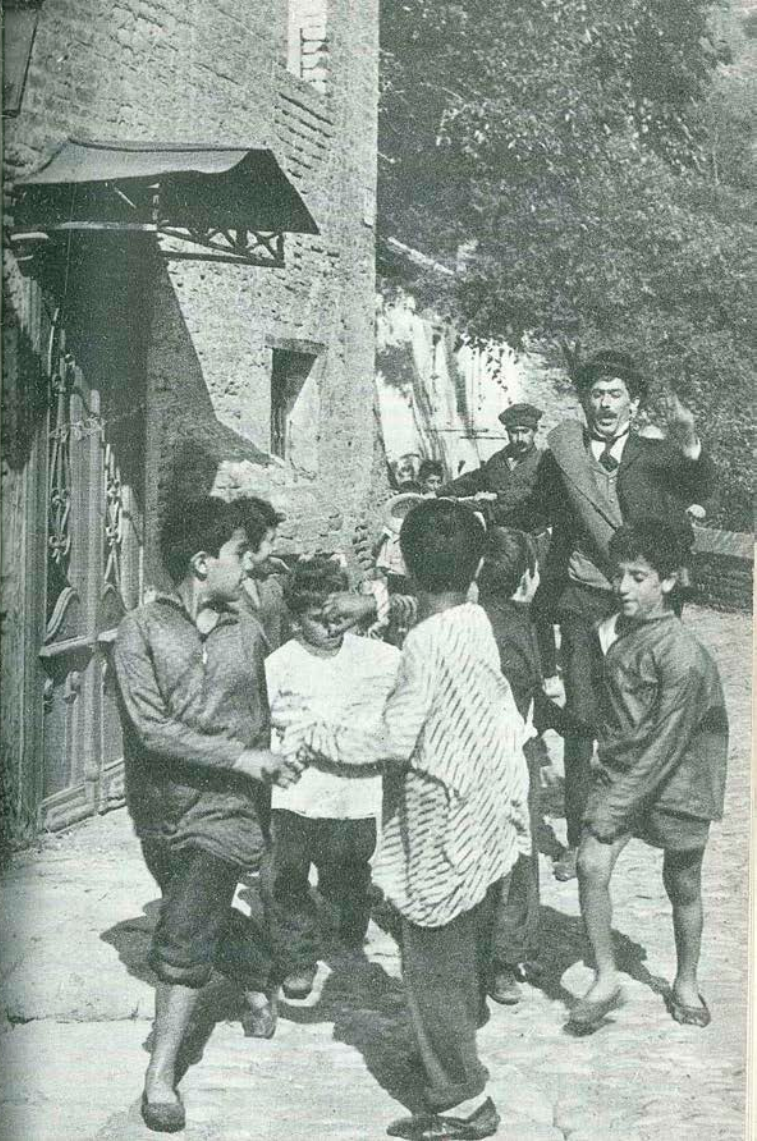
— Тихо! — строго приказал он Ваню. — Не мешай!

Ошарашенный такой наглостью муж остановился, вытаращив глаза.

— У твоей жены бронхит, — грустно сообщил Бенжамен рыбаку. — Ты что так побледнел? Не волнуйся, при современных методах это вполне излечимо.

Софико выкраивала из святого Георгия рубаху.

— Мама! — В дверь заглянула Цицино с ребенком на руках. — Они невесту ведут!

С дальнего конца улицы вдруг донесся лихой разбойничий свист и грянула бравая солдатская песня:

«Соловей, соловей, пташечка,
Канареечка жалобно поет!»

Впереди австрийским гусиным шагом шагал Бенжамен.

За ним, строго выдерживая положенную уставом дистанцию, плечом к плечу маршировали солдат и Лука. Сзади гордо выступал Эрзерум.

Мальчишки — эта пыль населения, — как всегда, восторженно сопровождали армию.

— Сестра! — обратился Бенжамен к Софико, подходя к дому. — Познакомься. Это наш новый друг — Егор Залетаев.

— Генерал, — пояснил пьяный Лука.
Солдат козырнул.

— Очень приятно. Прошу в дом. — Строго следуя законам гостеприимства, Софико расплылась в улыбке.

— Благодарствуем. — Солдат снял фуражку, расправил усы и бакенбарды, благочестиво перекрестился и переступил через порог.

Бенжамен последовал за ним.

Лука же остался на улице. Он скрестил руки на груди и испепелял жену грозным взглядом.

— Пожалуйста и вы, ваше благородие, осчастливьте, — ехидно улыбаясь, попросила мужа Софико.

— Женщина! — вдруг заорал Лука. — Смирно! Кругом арш!

И тут же получил увесистую оплеуху.

Стемнело.

Вся семья сидела за столом и дружно подпевала солдату в отставке Егору Залетаеву.

Солдат пел:

«На речке, на речке,
На том бережочке...
Мыла Марусенька
Белые ножки...»

По узкой кривой улочке, вздымая клубы пыли и сопровождаемые свитой любопытных собак, ехало чудо конца девятнадцатого века.

Это был фэзтон без лошадей, авто новейшей марки, образца 1898 года.

В авто сидели два офицера в белых черкесках, папахах, с кинжалами и аксельбантами. Руки офицеров почти до плеч были всунуты в желтые перчатки из свиной

кожи, лица закрыты огромными очками, из-под которых торчали запыленные усы.

У цирюльни авто остановилось.

— Горожанин! — окликнул офицер седобородого старика, с ног до головы увешанного клетками с певчими птицами. — Как нам найти лекаря по фамилии Глonti?

— Что? Не слышу! — заорал старик, перекрывая лязг мотора.

— Глonti!

Из чердачного окна полуразвалившегося домика выглянул адвокат Додо.

— Вам нужен Бенжамен Глonti? Айн момент! — крикнул адвокат и, на ходу надевая пиджак, быстро начал спускаться по приставной лестнице.

— Куда ты, сыночек? — спросила красиво состарившаяся женщина, но ее слабый голос пропал в шуме и грохоте авто. Адское изобретение умчало ее сына.

— Прекрасный выбор, господа, — разглагольствовал адвокат, стоя на подножке авто. — Я рад, что отныне прогрессивные круги офицерства будут в цивилизованных руках одного из самых...

— Куда ехать? — раздраженно перебил его сидящий за рулем капитан, когда машина выехала на перекресток.

— Ах, пардон! Сюда... — Додо вцепился в руль и стал крутить его влево.

— Руки! — заорал капитан, отдирая от руля адвоката.

— Пардон... Стоп!

Авто остановилось у духана «Не покидай меня, голубчик мой».

Додо нажал оранжевую грушу и погудел.

— Руки! — снова заорали на него.

— Пардон! Айн момент! — Адвокат соскочил с подножки и скрылся в проеме подвального.

Офицеры нетерпеливо забарабанили пальцами по медной обшивке.

— Хам! Невоспитанный хам! — Из подвала выскочил адвокат. — Его здесь нет, господа! — обратился он к офицерам. — Но мы можем пригубить по бокалу янтарного игристого вина!..

— Мы за рулем! — сухо ответили ему.

Бенжамен, стоя в своей комнате и показывая руками на голые стены, с улыбкой говорил представителю местных деловых кругов Абесалому Шалвовичу Цицинову:

— Ох, Абесалом Шалвович! Ну зачем нам какой-то посторонний исполнитель! Вы можете прийти ко мне и сказать: «Дорогой Бенжамен. Я хочу описать твои вещи». А я вам скажу: «Милый Абесалом Шалвович, берите все! Все ваше!»

Абесалом Шалвович, недоверчиво взглянув на Бенжамена, решил приступить к делу и потянулся к микроскопу.

— Только не это, это — орудие моего ремесла и по закону описи не подлежит, — отводя руку Абесалома Шалвовича от микроскопа, сказал Бенжамен.

Абесалом Шалвович, не найдя в комнате ничего более интересного, взял со стола пробочник с янтарной ручкой.

— Это янтарь? — внимательно осматривая ручку пробочника, поинтересовался он.

— Это янтарь. — Бенжамен стал серьезным. Но эта вещь вам ни к чему, а мне она крайне необходима. — И, отобрав пробочник, положил его в карман.

— Слушайте! — Абесалом Шалвович начал сердиться. — Продайте дом! Это ваш единственный выход.

— Ха-ха-ха! Дом не мой. Дом моего зятя.

— Я совсем забыл, что вы приживальщик, — ехидно улыбнулся Абесалом Шалвович.

— Ну хорошо, — перестав улыбаться, сказал Бенжамен. Он достал из сафьяновой шкатулки камешек. —

Это почечный камень. Я извлек его из мочевого пузыря самого губернатора.

— Для чего мне это? — насторожился коммерсант.

— Оправьте его в золото, рассыпьте по нему бриллианты — и получится великолепный подарок вашей супруге ко дню ангела.

— Ты еще не готов? — В комнату вошла Софико. — Здравствуйте, Абесалом Шалвович.

— Здравствуйте. Сударыня, вам известно, что я ссудил вашего брата деньгами на учение. Так вот, имейте в виду — у меня имеется исполнительный лист, и я в любой момент могу потребовать его ареста. Честь имею! — Абесалом Шалвович быстро вышел из комнаты.

— Идиот, — фыркнула Софико вслед коммерсанту. — На, Лука разрешил тебе надеть его ботинки... Что это?

С улицы донесся шум мотора, лай собак, и на улочку Трех сироток, радостно гудя, выехало авто с офицерами и адвокатом на подножке.

— Бенжамен! — крикнул Додо. — Я привез к тебе больных военных!

Бенжамен вышел на балкончик.

— Господин Глonti? — спросил один из офицеров.

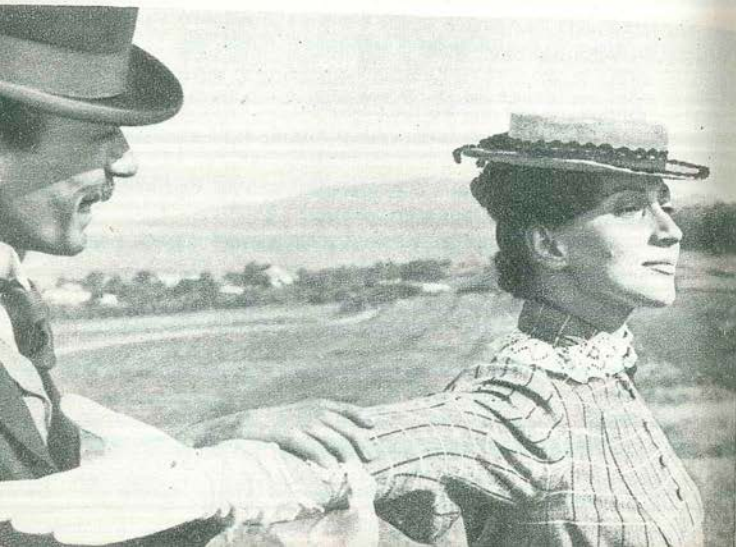
— К вашим услугам, — сказал Бенжамен.

— Поручик Ишхнели. — Офицер небрежно козырнул. Бенжамен поклонился.

— Милостивый государь, — процедил поручик сквозь зубы, раскинувшись на красном кожаном сиденье. — Я узнал из достоверного источника, что вы собираетесь жениться на дочери врача Цинцадзе. Категорически запрещаю вам это! Ясно?

— Что? — не понял Бенжамен.

Но капитан уже включил заднюю скорость, и авто, выпустив едкий фиолетовый дым, скрылось за поворотом, унося на подножке адвоката.

— Ну теперь-то ты женишься! — сказала довольная Софико брату.

По долине четыре лошади, меланхолично позвякивая колокольчиками, тащили рейсовый омнибус «Зестафон — Кутаис». У родника святой Нины колымага приостановилась.

С нее спрыгнули Бенжамен и Софико.

На сей раз путь в новую жизнь Бенжамен держал под конвоем сестрицы.

— Ой, какие цветочки! — радостно воскликнула Софико, оглядываясь кругом. — Ой, какая бабочка! — Она бросилась ловить бабочку. — Когда мы с Лукой были у бабушки, там... — Софико прыгнула, растянулась на траве и завопила: — Поймала! Поймала!

— Софья Варлаамовна, — назидательно сказал Бенжамен сестре. — Если вы собираетесь жениться, давайте жениться, а если нет — пойдем к бабушке!

В ее руке, теряя пыльцу, трепыхалась нарядная голубая бабочка.

В просторной гостиной уездного лекаря Левана Цинцадзе играл его домашний оркестр. Оркестрантов было трое — старик скрипач, одноногий флейтист и уже знакомый нам шарманщик Сандро.

— Как ты похож на своего отца, — говорил Леван, могучий старик с озорными детскими глазами, с любовью глядя на Бенжамена. Он, Софико и Бенжамен сидели перед оркестром.

— Я рад, что теперь мы вместе, коллега! — Леван налил в рюмочки вишневку. — Отныне мы вместе будем лечить больных.

— Доктор! — донесся снизу скрипучий голос.

— Что тебе? — Леван встал, вышел на балкон.

Во дворе маленькая старушка держала за рукав здорового парня. У ног парня валялся лихорадочно дышащий мешок, из которого несли пороссячий визг.

— Он говорит, что к Мери какой-то жених приехал! Это правда? — спросила старуха.

— Правда, тетя Домна! Правда! Вот он!

Бенжамен встал и галантно поклонился старушке.

— Э тот? — ужаснулась старушка. — Вуй! Вуй! Вуй! Этого я знаю! Он еще хуже тебя!

— Хорошо-хорошо, иди занимайся своим делом, — разозлился Леван.

— Вуй! Вуй! — причитала старушка, отпустив парня с поросенком.

— Совсем свихнулась от радости, несчастная, — обернулся Леван к Софико.

Софико вежливо улыбнулась.

— Селянсі! — Леван поднял руку.

Оркестр замолк.

— А вот и невеста!

В дверях стояла изящная аристократка Мери Цинцадзе.

— Папа, — спросила она, — где прикажете накрыть стол?

Софико выразительно посмотрела на брата.

Бенжамен ладонью поправил волосы.

— Мери, Бенжамен, идите сюда! — зашумел Леван. — Садитесь! Ты — тут! А ты — тут!

Он усадил их рядом и, с любовью глядя на них, воскликнул:

— Какая пара?! А?! Клянусь прахом отца, после свадьбы повезу их в Тифлис и сделаю фото.

— Голубки, — умилилась Софико.

— И!.. — Леван дал знак оркестру, и в комнате началось столпотворение. Оркестр загрохотал, шарманщик Сандро бросился вперед, вызывая Бенжамена на танец. Тот, не долго думая, поднял руки и принялся самозабвенно танцевать.

Пошла плясать и сама невеста, скромно опустив глаза и плавно покачивая руками.

Счастливый Леван пел и хлопал что есть силы.

В комнату незаметно вошел поручик Ишхнели. Мери первая заметила его и, покраснев, застыла на месте. В гостиной стало тихо.

— Добрый день, Леван Николаевич, — приветствовал поручик хозяина. — Разрешите пригласить вас и вашу дочь на автопрогулку по живописным окрестностям.

Леван приложил руку к сердцу и, насмешливо улыбаясь, ответил:

— Весьма сожалею, господа, но у меня сегодня гости. Надеюсь, своим присутствием вы украсите наш стол.

Со двора донесся гудок авто.

— Двигатель-мигатель, не знаю... У нас гости, а ты тут танцуешь!

— Папа! Вы не умеете вести себя в обществе, папа! — Мери, еле сдерживая слезы, убежала.

— Все знает, чертовка! — сердито, но не без гордости проворчал Леван. — Хватит! — вдруг заорал он на оркестр. — Нечего тут тарыхтеть. Идите работать. Оркестранты, подхватив инструменты, пошли вниз по лестнице.

— Ну, теперь поговорим о свадьбе. — Леван положил руку на плечо Бенжамена.

— Леван, — сказал Бенжамен, — а вы уверены, что ваша дочь желает, чтобы этот брак состоялся?

— Желает? Ха! Ха! Еще как пожелает! Мы с тобой будем философствовать, веселиться, охотиться и пить, и не пройдет и месяца, как Мери полюбит тебя страстно! Дочь врача выйдет за врача!

— Доктор! — В гостиную вбежал шарманщик Сандро. — Там мельник пришел. Мочу принес.

— Иду-иду, — крикнул поручик своему другу и, повернувшись к Левану, любезно сказал: — Быть вашим гостем — великая честь для меня, Леван Николаевич. С вашего разрешения, мы только переоденем спортивные костюмы. — И поручик красивым жестом показал на свою белую черкеску и, метнув уничтожающий взгляд в сторону Бенжамена, вышел из гостиной.

— Это ав-то-мо-би-ле, — глянув в окно и желая рассеять неловкую тишину, сказала Софико Левану. — Маленький паровоз.

— Может быть... Эти кретины промотали родительское состояние и вот уже месяц на своей керосинке крутятся вокруг моего дома, — сказал Леван. — Напрасно стараются. Дочь врача выйдет замуж за врача!

— Папа, — тихо, не поднимая глаз, заметила Мери. — Это не керосинка, а двигатель внутреннего сгорания.

- Что с ним?
- Жена у него с лестницы упала, с четырех ступенек.
- Он знает, что меня нет дома?
- Да, доктор.
- Хорошо. Оседлай коня.

...Бенжамен прошелся по гостиной и приоткрыл одну из многочисленных выходивших в нее дверей. Там старуха Домна накрывала белой скатертью огромный стол. Бенжамен приоткрыл следующую...

У изящного трюмо Мери в корсете и в панталончиках собирала локоны в пышный пучок.

— А-а-а-а! — взвизгнула невеста, увидев в зеркале своего жениха, и спряталась за китайскую ширму.

— А где папа? — спросил он.

— В аптеке. — Мери испуганно таращила глаза из-за ширмы.

— А где аптека?

— Там.

— Пardon! — Бенжамен прикрыл дверь.

В аптеке с потолка свисали длинные связки лука, чеснока, инжира, перца, на полках лежали гранаты, тыква, хурма, пакеты с сушеной зеленью, баночки с семенами, вдоль стен стояли столы с пузырьками, колбами, бутылками, ступками, а углу стоял среднего роста скелет. За столом старичок скрипач в белоснежном халате разливал из глиняного кувшина в маленькие пузырьки какую-то жидкость. На лавке у дверей сидел больной. У ног его лежал баран — гонорар за визит к врачу.

Бенжамен прошелся по аптеке, постучал ногтем по скелету, взял со стола квадратную бутылку, понюхал.

— Не трогай! — строго сказал ему скрипач. — Микробы внесешь.

— Уф! — В дверях появился Леван. Он был по-дорожному одет, с ног до головы обрызган грязью, в руках у него был хлыст.

— Какая ужасная дорога! — сказал он, упав на табуретку.

Бенжамена Леван не заметил.

— Доктор, — обратился к нему мельник, протягивая бутылку, — посмотрите, пожалуйста.

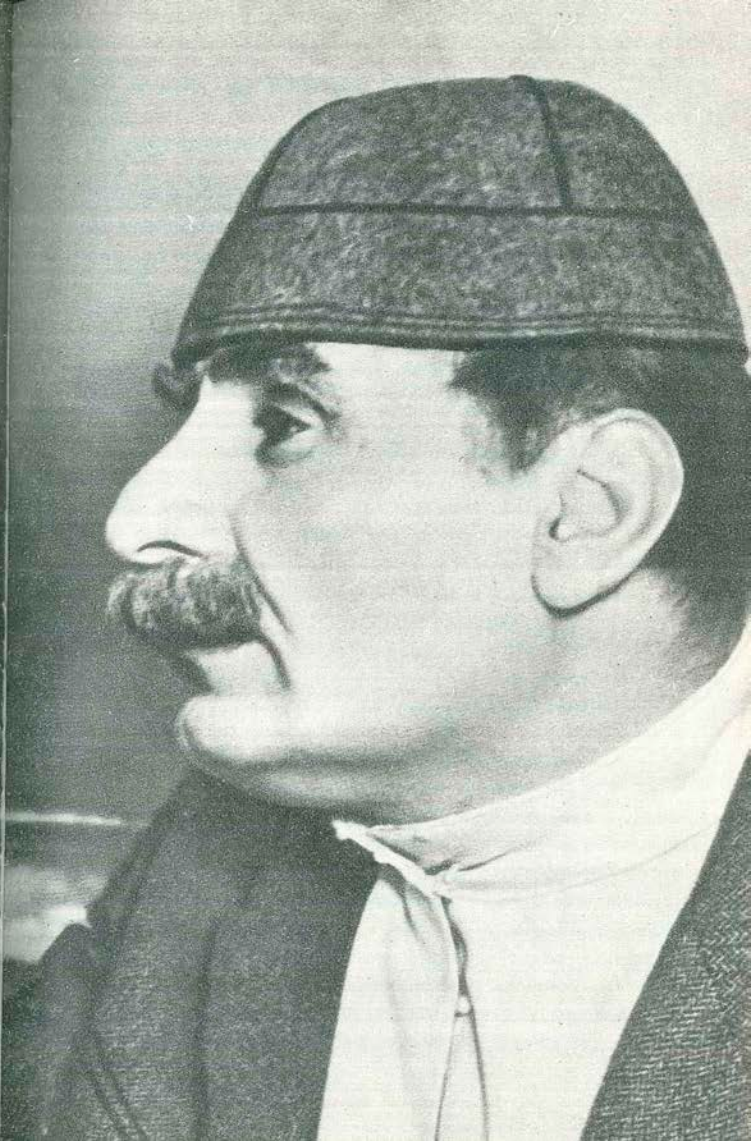
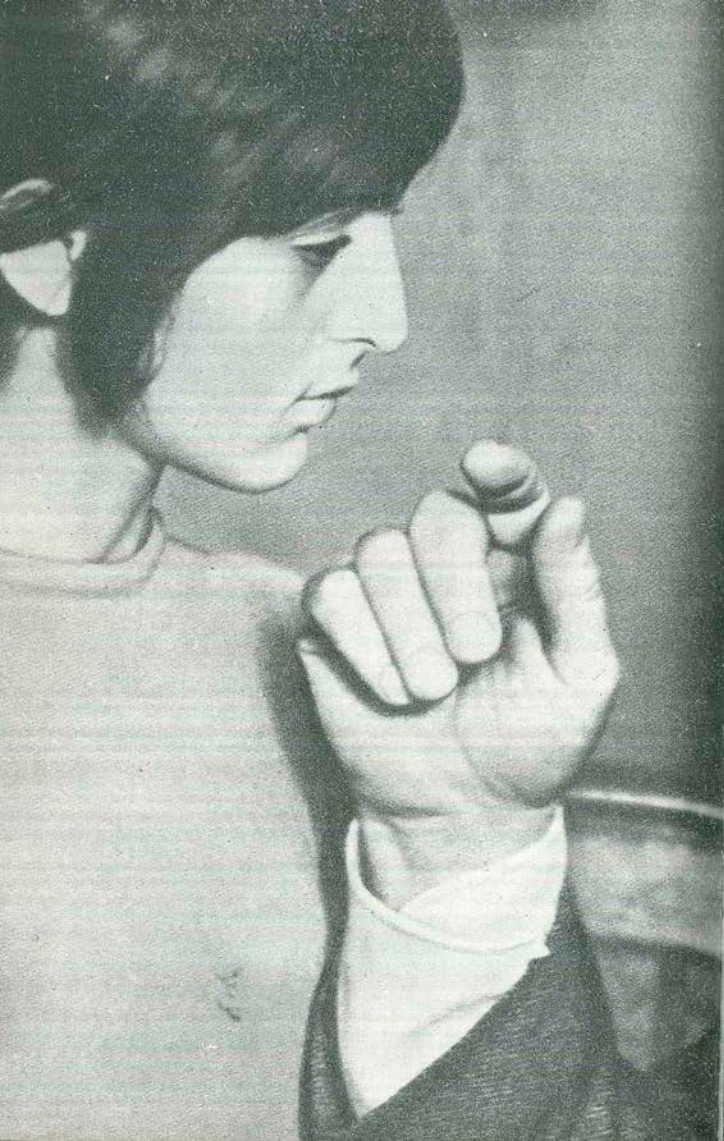
— Разве ты не видишь, что я устал? Я проскакал сто верст! — отмахнулся от него Леван.

— Он тоже устал, доктор, — сказал шарманщик Сандро.

— Ну ладно. — Леван с недовольным видом взял бутылку и, приблизившись к окну, произнес: — Это моча твоей жены.

— Ва! — удивился мельник.

— Она упала.

— Ва!

— Споткнулась о порог и покати́лась с четырех ступенек.

— С пяти, доктор, — виновато сказал мельник, как бы извиняясь за жену.

— Странно, — снова принимаясь изучать жидкость, сказал Леван. — Здесь явно видны четыре ступени... Подожди. Ты принес все, что дала тебе жена?

— Чуть-чуть выплеснул на землю, доктор...

— Вот и причина ошибки! Пятую ступень ты выплеснул, дуралей. Значит, будем лечить как упавшую с пяти ступенек. Савле, дай ему пять пузырьков, — крикнул он старичку. — И еще пусть прикладывает на ушиб подорожник.

— Ты опять здесь? — обратился Леван к девочке. — Ну, как твоя мать?

— Лучше, господин доктор, — тихо сказала девочка. — Только все равно... все равно ей холодно, а сама горячая.

— А настойку она пьет?

— Пьет, господин доктор...

Леван задумался.

— Потеет?

— Потеет, господин доктор.

— Хм...

— Мы заплатим, господин доктор...

— Что? За кого ты меня принимаешь?.. А ты что стоишь? — заорал он на шарманщика. — Иди дай ей мешок кукурузы и еще что-нибудь: сыр, масло, яйца. И пусть этого барана тоже возьмет.

— Может быть, у нее малярия? — спросил из своего угла Бенжамен.

Увидев коллегу, Леван несколько смутился:

— Да, конечно. А может быть, и нет. Я еще не поставил диагноз. Ты вот что, коллега, сходи-ка посмотри, пока я тут то-се... Но только не задерживайся.

В низине, у болота, на островке среди камышей стоял убогий заплесневелый домик. Бедность и нищета, казалось, навсегда поселились здесь.

Перед домом стояла печальная Като и молча ожидала доктора, который осматривал ее мать.

Тоскливо скрипнули дверные петли, и из домика, клая в карман стетоскоп, вышел Бенжамен. Он погладил девочку по головке, отвел ее в сторону, достал блокнот и начал писать рецепт.

— У мамы малярия. Но ты не беспокойся — все будет хорошо. Пойдешь в город, найдешь аптеку Мизандари, отдашь ему вот эту бумажку, а он даст тебе лекарство и скажет, как надо его принимать. Ясно?

Девочка утвердительно кивнула головой.

— А если скажет, что доктору Глonti в кредит не доверяет, тогда отдашь ему вот это. — Бенжамен достал

из кармана пробочник с янтарной ручкой и отдал его Като. — Это янтарь, Като. — А если он даст лекарство просто так, то вернешь мне пробочник... Я пойду лесом, так ближе до Левана?

— Ближе, только князь не любит, когда ходят по его лесу.

Бенжамен с улыбкой попрощался с Като и пошел к лесу.

— Поу! Поу! — раздались звуки охотничьих рогов, и из дубовой рощи на дорогу высыпала группа верховых в сопровождении целой своры лающих псов. Егерь несли двух привязанных к палкам кабанов.

Впереди на взмыленном жеребце гарцевал генерал в отставке, потомственный князь Вамех Вахвари. Он был в расшитой золотом охотничьей куртке. Куртка была надета прямо на голое волосатое тело.

Бенжамен шел мимо княжеского замка, который красовался на вершине лысой, шелудивой горы.

Князь осадил коня.

— Кто это такой? — указав на Бенжамена ногой, спросил он своего управителя.

Лицо управителя — впрочем, как и лица всех остальных, включая и князя, — напоминало хорошо выжженный кувшин, покрытый черной свиной щетиной.

Управитель пожал плечами.

— Кто ты такой? — спросил князь Бенжамена.

— А ты? — Бенжамен смерил князя с ног до головы.

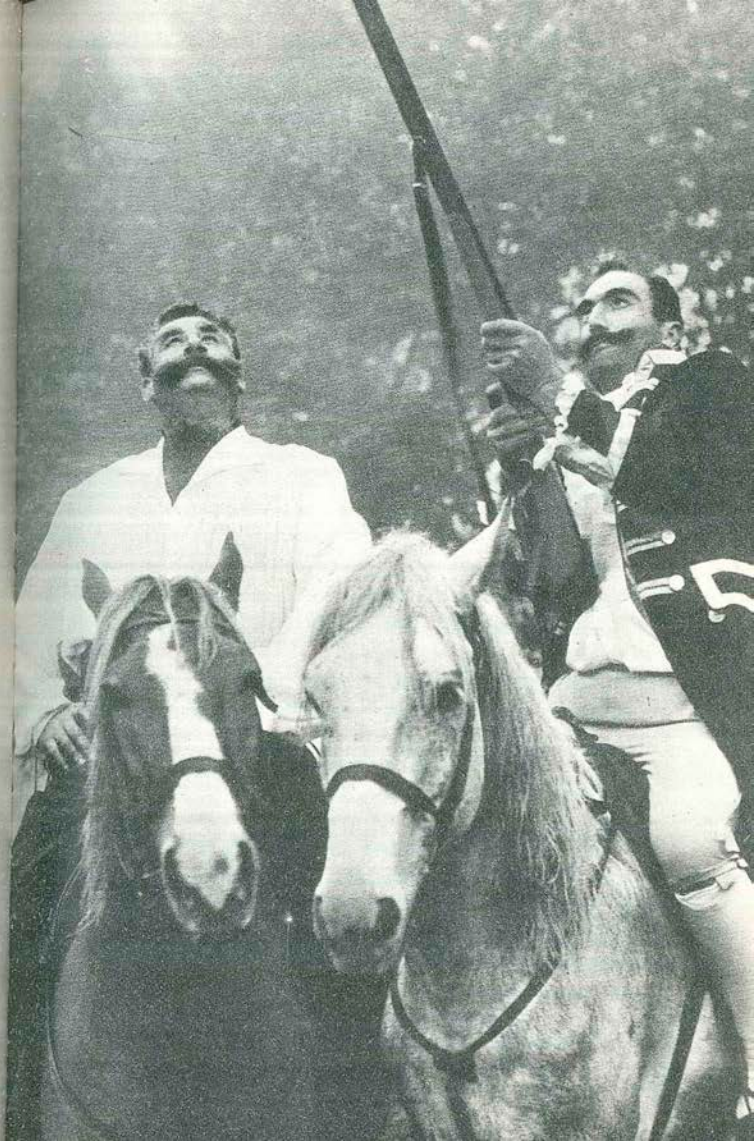
— Я — Вамех Вахвари!

— А я — Бенжамен Глonti!

— Так почему ты мне не кланяешься, Бенжамен Глonti? — строго спросил князь.

— А ты?

В это время один из княжеского окружения подошел к Бенжамену сзади и сбил с него шляпу.

Бенжамен обернулся.

Самодовольная улыбка, вызванная столь удачной проделкой, еще играла на лице нахала.

Бенжамен молниеносным ударом головы сшиб этого здорового человека, и тот покатился в колючки. Второго, стоящего рядом, Бенжамен резко ткнул локтем в живот, и, когда тот согнулся, он ударил сверху по шее и одновременно коленом по лицу.

Охотники схватились за ружья.

Князь поднял руку.

Все замерли.

— Ну! — угрожающе сказал он Бенжамену.

Бенжамен улыбнулся и отрицательно покачал головой.

Двор княжеского замка не соответствовал его наружному виду. Английские газоны, клумбы, висящие на суку детские качели, прогуливающийся вокруг изящной беседки павлин...

Из окна доносились звуки клавесина — играли Моцарта...

Суд вершился у конюшни.

Бенжамен был привязан к колесу арбы, а перед ним в массивном кресле с высокой спинкой, окруженный челядью, сидел Вамех Вахвари. Два охотника держали Бенжамена под прицелом.

— Возьми шашку, и отойдем на сто шагов, если ты мужчина! — зарычал Бенжамен.

Князь торжественно поднялся с кресла и произнес:

— После совещания суд присудил присутствующего здесь осужденного поцеловать генерал-майора лейб-гвардии Нежинского гусарского полка в отставке, кавалера орденов: святого Владимира четвертой степени с мечами и бантом, святой Анны второй степени с мечами и бантом, святого Станислава с мечами и бантом...

Управляющий деликатно прикоснулся к плечу князя и что-то шепнул ему на ухо. Князь подумал, кивнул.

— Святого Станислава с мечами, без банта, князя Вамеха Вамеховича Вахвари поцеловать в то место, в которое вышеуказанный князь укажет! — И Вамех Вамехович похлопал себя по ягодице.

— Теперь ты можешь похвастаться, что целовался с генералом, — весело добавил он.

Бенжамен зарычал от бешенства, рванулся, чуть не перевернув арбу.

Охотники взвели курки...

Тем временем была снаряжена спасательная экспедиция.

Впереди несясь выездной фаэтон Левана, сзади, заметное отстав, телега, набитая вооруженными чем попало людьми.

— Быстрей! — Сжимая рукоятку кинжала, Леван колотил по спине сидящего на козлах шарманщика Сандро. — Быстрей!

Сандро, не щадя, хлестал лошадей.

— Сколько у нас пороха? — спросил Леван шарманщика Сандро.

— Сейчас, коллега. — Шарманщик вынул из фазтона: — Петре, сколько пороха у нас?

— Чего? — не поняли на телеге.

— Пороха сколько? Пороха?!

— Три фунта!

— Доктор, простите за нескромность. — Скрипач, так и не успев снять белый халат, показал Левану пузырьки. — Вот!

— Что это?

— Цианистый калий, доктор. Одной десятой достаточно, чтобы отравить всю Грузию. Накапаем им в ручеек... — мечтательно улыбнулся он.

Леван брезгливо отмахнулся от скрипача.

— Вот он! — вскричал Леван.

На дороге показалась унылая фигура Бенжамена.

— Леван, — сказал Бенжамен, высвобождаясь из объятий старого доктора, — мне нанесли страшное оскорбление! — Бенжамен шепотом, на ухо, сообщил какое.

— У-у-у! — взревел Леван и выхватил саблю. — Возьми саблю! Командуй! Камня на камень не оставим, по кусочкам разнесем, в порошок сотрем!

— Не надо, Леван, — сказал Бенжамен. — Он пожалуется царю, и нас всех вместе сошлют в Сибирь.

— Но мы должны отомстить! — не унимался Леван.

— Насчет этого будьте спокойны. Я клянусь, что только тогда стану вашим зятем, когда нанесенное мне оскорбление получит достойное возмездие.

— Ты заходишь слишком далеко, коллега. Ты можешь отомстить и после свадьбы.

— Доктор! — К Левану подошел флейтист, командующий вторым эшелоном. — Больные домой просятся. Что делать?

У телеги толпились вооруженные до зубов больные и страдальчески смотрели на своего врача.

— Пусть идут, — разрешил Леван.

Больные тотчас побросали на землю пики, кинжалы, кремневые ружья, чеканные древние щиты и радостно разбежались, забыв про свои недуги...

Адвокат Додо с корзиной в руках, неловко цепляясь за камни, взбирался на скалу. Вдруг грянул выстрел, и где-то неподалеку пуля щелкнула о камень.

Додо нырнул за валун и истошно завопил:

— Это я! Бенжамен, это я!

Высоко над ним, в дверях давно заброшенной часовни, стоял, опираясь на ружье, бородатый, взлохмаченный человек. Это был Бенжамен.

Додо встал, отряхнулся:

— Хам, невоспитанный хам!

— Я тебя предупреждал — не приходи! — мрачно сказал Бенжамен.

— Бенжамен, не делай из пустяка трагедию. Подумай, большое дело — не ты первый, не ты последний.

— Уходи! — Бенжамен повернулся к нему спиной.

— Стой! — Додо начал карабкаться вверх.

— Не подходи! — Бенжамен вскинул ружье.

Додо испуганно вытянул вперед корзину и закричал: — Не стреляй! Здесь еда, вино, твоя сестра прислала!..

— Никакого вина! Камни буду грызть, пока не отомщу! Уходи!

— Иду, иду... — Обиженный Додо осторожно полз вниз.

— Как там мои? — спросил все-таки Бенжамен.

— Как всегда... Ребенка ждут...

Бенжамен задумчиво вошел в часовню.

Там у стены, под плохо сохранившейся фреской девы Марии, лежала на соломе хозяйка духана «Сам пришел», королева Марго, и в медную подзорную трубу рассматривала детали фресок.

На разостланном платке красовались тяжелые поздние помидоры, зелень, лук, остатки курицы, рыба. В углу валялись пустые бутылки.

Бенжамен вырвал из рук Марго подзорную трубу, подошел к узкому окошку и нацелился на замок князей Вахвари. Сверху ему был виден двор с английским газоном и разгуливающий по нему нахально раскрашенный павлин.

Марго на кухне резала лук.

Вошел Вано. Присел на корточки перед очагом, подбросил хвороста.

- Марго, знаешь что... — сказал он и замолчал.
— Что?
— Князь заболел... Кость проглотил... И ни один доктор к нему не идет: боятся...
— А я здесь при чем? — раздраженно спросила Марго.
— Что я, доктор?
— При том. Скажи этому...
— Кому — этому? — будто не поняла Марго.
— А тому, который в часовне сидит...

В большом ярко освещенном зале, где по стенам висели пешие и конные Вахвари, сидел, согнувшись в кресле, последний представитель этого рода.

Около него стояла княгиня, красивая молодая шатенка.

Управляющий ввел Бенжамена.

— Вы врач? — с сомнением спросила княгиня, подозрительно глядя на его странный наряд.

— Да, — поклонился Бенжамен.

Князь и управляющий не узнавали обросшего Бенжамена.

— Князь проглотил за обедом кость, — сказала княгиня. — Надеюсь, вы не откажете в помощи.

— Мы обязаны лечить всех... — сухо заметил Бенжамен.

Исследовав горло больного, он прошелся по залу и сокрушенно покачал головой.

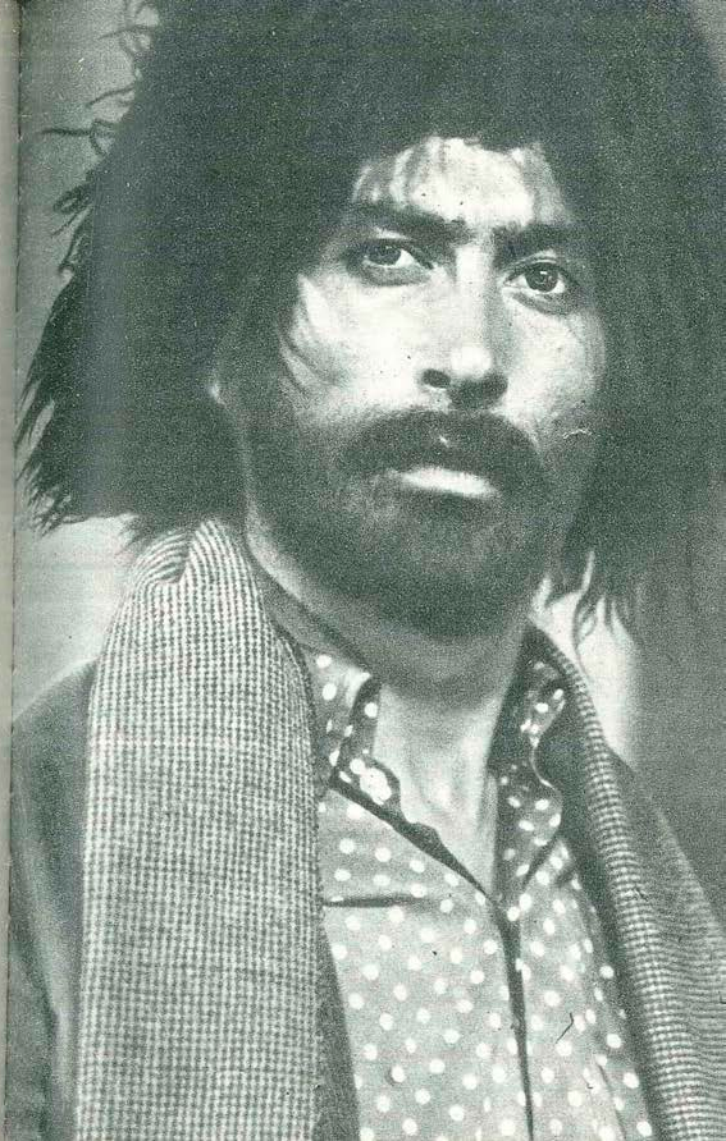
Княгиня встревожилась.

— В чем дело?

— Этот господин подавился ядовитой костью.

— Мы никогда прежде не слыхали, — дрожащим от страха голосом сказала княгиня, — что кости форели ядовиты.

— Обычной форели — нет. Но в данном случае мы имеем дело с редкой разновидностью ионникус-морэ,

которая воздействует на организм столь же пагубно, как листья манценилы. Еще четверть часа — и я не ручаюсь за жизнь этого господина.

— Так приступайте скорее к операции! — воскликнула княгиня.

Бенжамен сел в кресло, закинул ногу на ногу, и сказал:

— К сожалению, надо выполнить одну небольшую формальность, но я колеблюсь. — Бенжамен рассматривал генералов на стенах. — Как осмелиться предложить вам то, что я имею в виду, вам, генералу, кавалеру орденов с бантиками и без бантиков, потомку всей этой блестящей компании! — Он показал на портреты.

— Ты издеваешься надо мной, коновал! — заклокотал Вамех, но боль в горле снова скрутила его.

— Два месяца назад, князь, — Бенжамен встал, засунул руки в карманы, — вы затащили сюда человека и нанесли ему кровное оскорбление.

— А-а... Ты — тот?

— Тот, ваше превосходительство, — подтвердил стоящий навытяжку управляющий.

— Так бы и сказал! Называй сумму!

— Нет. — Бенжамен покачивался с носка на каблук. — Я требую, чтобы ты восстановил мою честь, князь Вамех Вамехович.

— Хорошо, — не отрывая глаз от больших стенных часов, сказал Вамех, — я письменно признаю, что был неправ.

Бенжамен пожал плечами.

— Неужели? Ах, я потрясен! Какое благородство! Нет, дорогой! — Бенжамен приблизился к князю и проговорил ему в лицо: — Нет! Ты поцелуешь меня туда же, куда поцеловал тебя я.

— Эй! — закричал князь управляющему. — Сдерите с него шкуру и бросьте в подвал. Я хочу послушать, как он будет кричать!

Управляющий кинулся на Бенжамена.

Бенжамен не сопротивлялся.

— Прекрасно, но через десять минут делать операцию будет поздно.

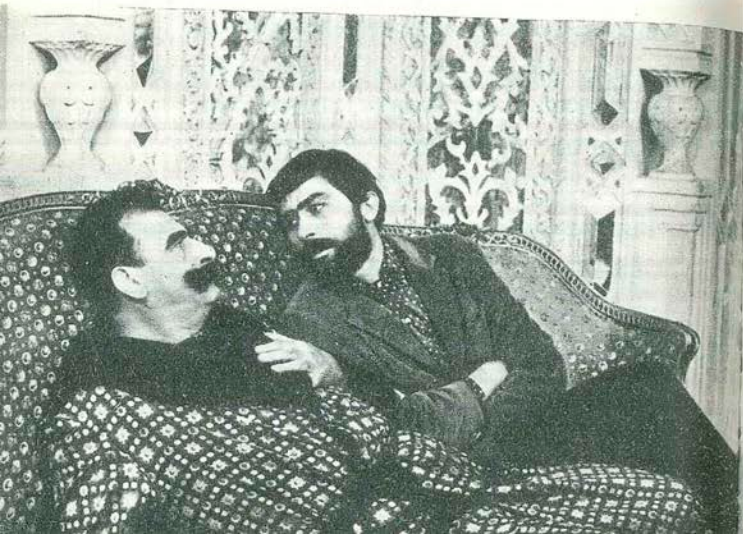
— Отпустите его! — приказала княгиня управляющему. Тот неохотно повиновался.

— Но неужели вы так жестоки? — Княгиня ласково взяла Бенжамена за руку. — Неужели приятнее мстить, чем прощать?

— О княгиня! — Бенжамен изящно поклонился. — Поверьте, что если бы подобное оскорбление было нанесено мне вами, то я отказался бы от мести!

Княгиня улыбнулась, подошла к мужу и, глядя по его жестким волосам, начала что-то шептать, показывая на часы. Маятник безжалостно отнимал секунды.

— Ладно, твоя взяла... — прохрипел Вамех, пряча голову в плечи. — Идите все отсюда! — приказал он управляющему.

— Нет! — сказал неумолимый Бенжамен. — Они были свидетелями моего унижения, так пусть же присутствуют и при возмездии! Только княгиня имеет право удалиться. — Бенжамен галантно поклонился красавице.

— А вы, — приказал Бенжамен слугам, — пойте!

Мрачные генералы на портретах старались, но не смогли отвести глаз от этого позорящего весь род зрелища.

Слуги, старательно открывая огромные рты, пели сложную многоголосую песню. А управляющий кулаками-лопатами растирал по щекам горькие слезы и бился головой о стену.

— Ну, теперь мы квиты и все забыто! — весело сказал Бенжамен, застегивая штаны. — Сейчас я займусь вашим горлышком.

Он быстро и ловко извлек кость и отдал ее князю.

Пока тот с любопытством ее рассматривал, Бенжамен незаметно выскочил в дверь, в два-три скачка своих громадных ног достиг ворот, и тьма поглотила его.

В ту ночь в просторной гостиной Левана царило праздничное настроение. Тосты главным образом поднимались в честь Бенжамена; все были полны радости в связи с его блестящей победой над коварными силами. Оркестр Левана играл исключительно любимые песни Бенжамена. На рассвете, когда закричали первые петухи и когда вино заметно дало себя знать, Леван начал звать свою дочь.

— Мери! Мери! — гремел старик.

— Что, папа? — Едва приоткрыв дверь, в комнату заглянула испуганная Мери.

— А ты знаешь, кто он такой, вот этот? — спросил отец, показывая на Бенжамена.

— Знаю, папа, знаю, — ответила Мери.

— Нет, ты не знаешь. Бенжамен, а ну-ка покажи, куда тебя поцеловал князь.

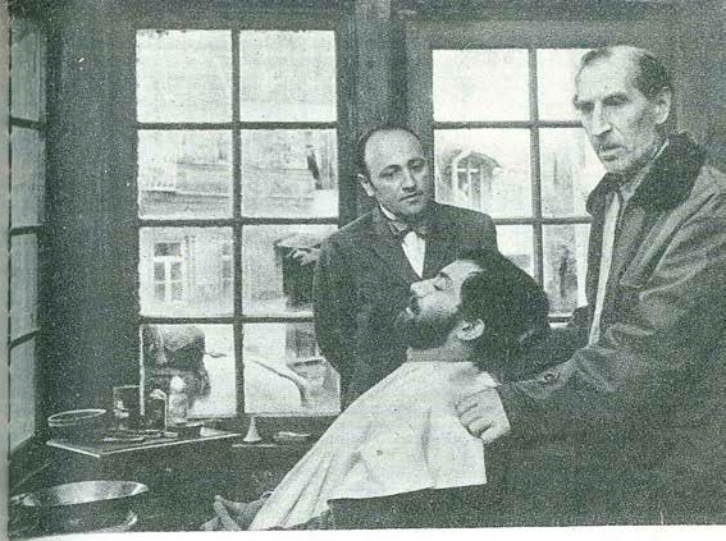
Бенжамен, шатаясь, встал, готовый исполнить желание Левана.

— Папа! — вскричала Мери, — и головка ее сразу же исчезла за дверью.

— Тшик-тшик! Пссик-пссик! — шлепалась о толстый кожаный ремень много повидавшая бритва, зловеще сверкая на солнце.

Высокий костлявый цирюльник Эроси налил в медный таз горячую воду, передал его Бенжамену, и тот, держа таз двумя руками на уровне груди, окунул в воду бороду.

— Бенжамен, — спросил Эроси, взбивая мыльную пену, — а правда, что ты два месяца только камни ел?

Бенжамен хмыкнул.

— Что за город! Что ни сделаешь, на следующий день все знают, — как бы недовольно сказал он.

— Что значит молодость! Я вот тоже в детстве камень проглотил, и ничего! Бенжамен, ты когда в Петербурге учился, там кто-нибудь камни ел? — спросил Эроси.

— Никто!

— Да... Только мы, грузины, можем всё!

— Вот он! — В цирюльню вбежал Абесалом Шалвович. — Он здесь!

Следом за финансистом в дверях появилась могучая фигура княжеского управляющего.

Увидев своего врага, Бенжамен вздрогнул и облился водой.

— Бенжамен! — задыхаясь от возбуждения, говорил Абесалом Шалвович. — Этот достойный разыскивает

вас, чтобы вручить вам деньги! Вы наконец-то сможете вернуть мне долг со всеми процентами, Бенжамен!

— На! — Управляющий протянул Бенжамену записку. — Читай!

— Прочти, — сказал Бенжамен цирюльнику. Сам он не мог этого проделать: руки были заняты тазом.

— «Его превосходительство князь Вахвари, — начал читать Абесалом Шалвович, вырвавший письмо из рук цирюльника, — просит господина Глonti забыть о происшедшем между ними недоразумении и принять от него вознаграждение в размере ста золотых за мастерски проведенную операцию.

— Вот, здесь сто. — Управляющий положил на мраморную доску перед Бенжаменом тяжелый кожаный мешочек. — Пиши расписку.

— Минуточку, — засуетился Абесалом Шалвович. — Деньги любят счет, разрешите? — Он потянулся к мешочку.

Но управляющий хлопнул его по руке.

— Не суйся не в свое дело! — строго сказал он. — Пиши! — обернулся он к Бенжамену. — Здесь сто!

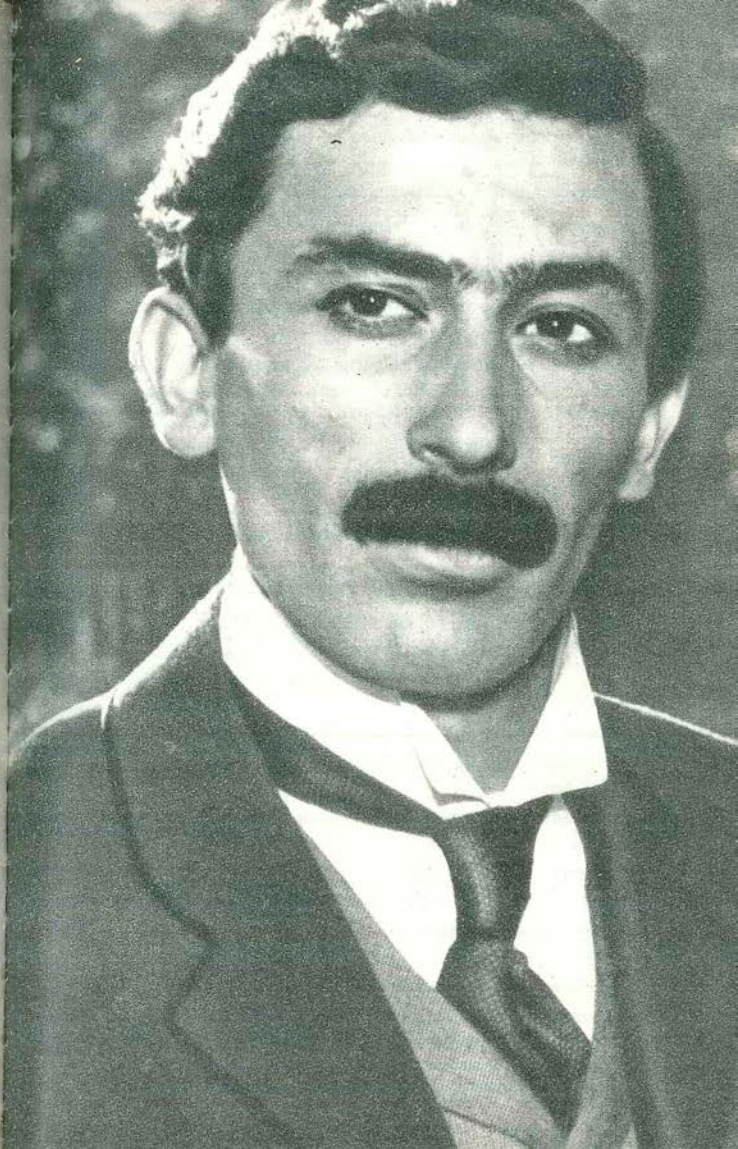
— Многовато, — покачал головой Бенжамен. — Я за такую операцию беру рубль.

— Много не разговаривай! — зарычал управляющий. — Княгине спасибо скажи, а то князь из тебя бы...

— Подожди, подожди, дорогой, — ласково остановил его Абесалом Шалвович. — Бенжамен, его превосходительство лучше нас с тобой знает, за что сколько надо платить! — Он снова потянулся к мешочку, и снова управляющий ударил его по руке.

— Ну?

— Вот что, — сказал Бенжамен, локтем отодвигая от себя мешочек. — Неси это обратно. И скажи князю, что он со мной за все прекрасно расплатился. А если он хочет купить мое молчание, то, к сожалению, опоздал. Иди, адью. Давай брей, — сказал он Эрсси.

— Ух! — зарычал управляющий. Он взял деньги и пошел к выходу.

— Стойте! — взвизгнул Абесалом Шалвович, вцепившись в куртку управляющего. — Он сейчас напишет. Он пошутил! Бенжамен, скажите ему!

Управляющий без труда стряхнул с себя коммерсанта и снова спросил Бенжамена:

— Ну?

— Иди-иди. Привет княгине.

— Ух! — Управляющий стукнул себя кулаком по лбу и вышел, с силой хлопнув дверью.

— Он ушел! Он правда ушел! — закричал Абесалом Шалвович, поднимаясь с пола. — Бенжамен, верните его! — Он попытался вырвать таз из рук Бенжамена.

— Эй — возмущился цирюльник и оттолкнул коммерсанта. — Мы древний народ! — завопил он. — Не нужна нам эта грязь. Тыфу!

— Это дело моей чести, Абесалом Шалвович, — гордо сказал Бенжамен.

— Ах, чести! Ну хорошо! Завтра жэ ты у меня будешь в тюрьме! На каторге сгниешь, комедиант! — И в гневе кредитор выбежал на улицу.

Сверху был виден огороженный каменным забором небольшой тюремный двор.

Лил дождь.

Посредине двора, среди луж, стоял маленький, сухонький, похожий на гнома надзиратель.

Перед ним, прижавшись друг к другу, как овцы, прячась в маленькой узенькой нише, стояли арестанты.

— Ну хватит, ребята. Выходите... — уговаривал бывших бандитов гном. — Давайте прогуливаться!

— Дождь, ва! — Бандиты не соглашались.

Бенжамен стоял тут же. В полосатой куртке и шапочке он мало чем отличался от друзей по несчастью.

— Разве это дожди! Ничего с вами не будет! Вот смотрите! — Гном заложил руки за спину и медленно, шаркающими шажками сделал круг по двору.

— Ну вот, — сказал он, совершенно мокрый. — Что-нибудь со мной случилось? Ничего! Пошли, погуляем.

Дураков не было.

Тогда гном, вздохнул, побежал к заключенным и тоже спрятался от дождя.

Бенжамен в арестантской одежде ходил по камере и разглагольствовал.

— Иноземец, — говорил он сидящему на каменном полу турку, — объясни мне, почему люди так боятся тюрьмы?

— Конечно, — глубокомысленно сказал турок, глядя на Бенжамена грустными маслянистыми глазами, — боится...

— Но разве постель больному не тюрьма? Или торгашу лавка не тюрьма? Служащему — контора, горожанину — город, царю — его царство, самому господу богу — леденящая сфера? Разве все они не узники?

— Конечно, — согласился турок. — Думал, привезу ирис — мужчина любит, женщина любит, ребенок любит! Скажи спасибо! Нет! Сиди, сказали, два года, контрабандист! Хочешь конфетку дам? — подумав, предложил он шепотом.

— Конечно, — сказал Бенжамен.

— Нету, — вздохнул печальный турок.

Раздалось звяканье ключей, тяжелые кованые двери со стоном открылись.

— Глonti, выходи, тебя выкупили. Разорил все-таки Луку, да? — с презрением сказал тюремщик. — Дом они продали.

Железные тюремные ворота открылись настолько, чтобы в них мог пройти человек. Бенжамен попрощался с тюремщиком, помахал рукой, наверх — тюремным клеткам — и побрел по улице.

Курдянка подметала желтые листья платанов.

— Ты не знаешь, где сейчас живут мои? — спросил ее Бенжамен.

— Тебя уже выпустили? Они продали дом и живут сейчас за городом под горой Архидиакона.

Бенжамен тихо шел по пустынным осенним улицам. Вот кончился город, и там, под горой Архидиакона, он увидел покосившийся сарай, перед которым стоял Варлаам.

Племянник, увидев дядю, скрылся в сарае.

Бенжамен молча подошел к убогому строению, открыл покосившуюся дверь, к которой была прибита медная дощечка: «Доктор Бенжамен Варлаамович Глonti».

Семья была в сборе, все радостно улыбались Бенжамену. В щербатых стенах весело играло солнце.

Бенжамен медленно прикрыл двери и прислонился к изъеденной червями деревянной стене. Глаза его наполнились слезами.

В гостиной дома Левана поручик Ишхнели и Мери сидели на софе, дули в трубочки и пускали мыльные пузыри.

Пузыри парили по комнате.

— Добрый день, — поздоровался Бенжамен, заглядывая в комнату.

— Здравствуйте. — Мери смутилась и спрятала трубочку за спину. — А папы нет, — сказала она. — Он уехал в Батум на консилиум.

— А я к вам. — Бенжамен подошел к Мери и положил перед ней на мраморный столик цветы.

— Благодарю, — сказала Мери.

— Бьюсь об заклад, что эти цветы с могилы вашего бывшего больного, господин Глonti, — сказал поручик и встал.

Бенжамен, не ответив, сел рядом с хозяйкой.

— А вы, однако, щеголь, сударь! — Поручик подошел к Бенжамену. — Мери, посмотрите, ваш жених по самой последней парижской моде облачен в малиновые штiblеты.

Бенжамен молчал.

— Ах, перестаньте, Алекс, — сказала Мери по-французски.

— Я хочу, чтобы этот болван убрался отсюда, — тоже по-французски ответил ей поручик.

Бенжамен сидел, положив руки на колени, и спокойно смотрел на обидчика.

— О! Какой очаровательный платочек! Я уверен, что эти кружева господин Глonti срезал с панталон своей очаровательной сестрицы, — снова переключился поручик на Бенжамена.

— Алекс!

Бенжамен встал.

— Тысяча извинений. — Он поклонился Мери.

Потом схватил офицера за шиворот и штаны и, приподняв, метнул его в стеклянную дверь.

Поручик, со звоном пролетев сквозь стекло, скатился по лестнице и распластался внизу во дворе.

— Пардон, мадемуазель. — Бенжамен снова поклонился своей невесте.

— Милостивый государь! — крикнул поручик, с трудом поднимаясь на ноги. — Я вам пришло своих секундентов! — И заковылял по двору к авто.

— Простите, так получилось, — сказал Бенжамен Мери.

— Вы будете с ним драться на дуэли? — рыдая, спросила Мери.

Бенжамен подошел к ней, погладил ее по голове.

— Вы любите его?

— Да, — еле слышно ответила Мери.

— Отец знает?

— Нет, он не понимает Алекса. Его никто не понимает. Я прошу вас, умоляю, не убивайте его.

— Тогда он убьет меня, — резонно ответил Бенжамен.

— Но Алекс — отец моего будущего ребенка! — сказала Мери и с мольбой посмотрела на Бенжамена.

Капитан Габриадзе, друг поручика Ишхнели и секундант, заложив руки за спину, прогуливался по запорошенной желтыми листьями лужайке.

Лука и Бенжамен сидели на большом камне возле родника.

— Давай извинимся и пойдем домой, — поеживаясь, предложил Лука. — А то холодно.

Бенжамен отрицательно покачал головой. Он извлек из кармана часы и издали показал их офицеру.

Капитан тоже достал часы, посмотрел, потом подошел к Бенжамену и его зятю.

— Господа, — холодно сказал он. — Я думаю, поручик прибудет с минуты на минуту. Перед дуэлью он захотел проститься с дорогим для себя человеком, и я для этой цели одолжил ему свое авто. А пока прошу проверить. — Капитан открыл ящик с дуэльными пистолетами и протянул Луке. — Проверьте.

— Я не умею, — чистосердечно признался Лука.

Капитан удивленно посмотрел на Луку, недовольно пошевелил усами и взял в обе руки по пистолету. Пах! Пах! — раздался выстрелы.

— У этого жесткий спуск, — сказал капитан.

Вдалеке за платанами показался бешено мчащийся всадник.

— Это Леван! — радостно воскликнул Лука. — Он приехал!

Леван осадил коня, спрыгнул и бросился к Бенжамину.

— Она сбежала! — закричал он. — Она сбежала с этим негодяем!

— Куда? С кем? Когда?

— Не знаю! Я ничего не знаю! Приехал, а ее нет! Бенжамен, в тебе сейчас мои силы! Догони, верни мне мою девочку!

— Это, наверно, поручик ее украл, — сказал догадливый Лука.

— Господа, этот человек опозорил честь офицера! — гневно сказал капитан. — Он не явился на дуэль и украл мое авто! Следуйте за мной, господа, я знаю, где его искать! — И он заткнул пистолет за пояс.

Маленький паровоз с игрушечными вагончиками, распустив бакенбарды пара, медленно поднимался в гору, к вокзалу, и, подкатив к платформе, тяжело задышал.

Поручик Ишхнели, в штатском костюме и кепи, ввел свою возлюбленную в вагон и усадил ее возле окна. Закутанная в шаль Мери всхлипывала, сморкаясь в маленький кружевной платочек. На коленях ее лежала подруга недалекого детства — курносая фарфоровая кукла в выцветшем шелковом платье.

Поручик достал часы, проверил время.

— Еще немного терпения, — сказал он, — и чугунка учит нас в Тифлис...

— Бедный папа... — прошептала Мери.

— Все мосты сожжены... — сказал поручик. — Я не явился на дуэль.

— Ты добрый, ты великодушный, Алекс! Ты пожалел этого гадкого человека.

— Ты умница, радость моя. Я принесу тебе воды и куплю билеты. — Поручик вышел на перрон и, посплав в окно Мери воздушный поцелуй, пошел к зданию вокзала.

По дороге, ведущей из густого каштанового леса к вокзалу, подъехало изящное ландо. В нем сидели наши старые знакомые: князь Вамех Вахвари и его управляющий.

Князь, с любопытством осмотрев брошенное у вокзала авто, решительно направился к станционному буфету. Увидев его, буфетчик сразу же открыл шампанское. За окном пыхтел паровозик.

В станционном зале было пусто, только в углу сидела старушка с двумя индюками.

В зал вбежал поручик Ишхнели.

— Два билета до Тифлиса, — сказал он кассирше и, не кладя сдачу в карман, метнулся к буфету. Став

между князем и управляющим, поручик бросил деньги на мраморный прилавок.

— Сельтерской! Сельтерской! — нетерпеливо сказал он буфетчику.

Князь, вскинув густые черные брови, с удивлением осмотрел поручика с ног до головы и спросил управляющего:

— Кто это такой?

Управляющий пожал плечами. Тогда князь наклонился к поручику и с улыбкой спросил:

— Э, кто ты такой?

— Поручик Ишхнели, к вашим услугам, сударь! — вспыхнув, ответил поручик.

— Нда... — продолжая осмотр поручика, сказал князь. — Поручик Ишхнели? А почему ты мне не кланяешься, поручик Ишхнели? — насмешливо спросил князь и сдернул с головы поручика кепи.

— Вы — хам, милостивый государь! — крикнул поручик в лицо князю.

— Что?! — взревел князь и чуть не задохнулся от возмущения. Некоторое время Вамех Вахвари, вытаращив глаза, смотрел на Ишхнели, затем медленно поднял со стойки бокал и выплеснул шампанское в лицо поручику.

— К барьеру! — крикнул Ишхнели и ударил перчаткой по лицу князя.

— Прошу. — Князь простер руку в сторону управляющего, и тот сразу же вложил в нее взведенный пистолет...

...Крошечное здание вокзала, похожее на дворец липутов, содрогнулось от выстрелов.

Из дверей, схватившись за голову, вылетел буфетчик.

— Убили! Убили! — вопил он.

Вслед за ним в дверях показался поручик Ишхнели. Пистолет выпал из его рук. Сделав два-три шага, поручик замертво упал на лестницу под станционным колоколом.

— Алекс! — в ужасе закричала Мери, прильнув к окну вагона.

Была ночь. Паровоз «кукушка», сверкая огнями, стоял перед вокзалом и устало шипел.

— Ребенок будет жить, а мать... преждевременные роды — партус приматорус при психогенном шоке, — сказал Барнаба Саканделидзе, старый врач, осторожно прикрывая дверь комнаты начальника станции.

Потом, положив руку на плечо Бенжамена, он тихо добавил:

— Подготовьте Левана... А ребенок будет жить... — еще раз повторил он и, попрощавшись с Бенжаменом, ушел.

Из соседней комнаты доносился крик новорожденного.

Наступила осень. Был ясный ветреный день. Сандро, Петре и старик провизор катили к заранее приготовленной яме чури — огромный глиняный кувшин для вина, литров на триста. Руководила ими тетя Домна.

Под навесом веранды Като, напевая, укачивала в люльке ребенка.

— Дядя Бенжамен! — окликнула она Бенжамена и подбежала к нему. — Давно хочу отдать, только все время забываю. Нате! Он тогда так лекарство дал. — Като протянула Бенжамену пробочник.

На лужайке перед домом в кресле лежал заботливо укрытый буркой Леван.

Это был совершенно дряхлый старик.

Ветер гнал по земле пыль и сухие ветки...

— Добрый день, Леван.

Леван безучастно посмотрел на Бенжамена и горестно покачал головой.

Бенжамен перевернул саквояж и, поеживаясь, сел на него.

— Леван, вы самый непослушный пациент в моей недолгой практике. Совсем не выполняете указаний своего врача.

— Зачем господу богу надо было трудиться, насылая на нас болезни, если нашлись бы люди, умеющие исцелять их... — Старик смотрел потухшим взором на курящиеся черепичные крыши деревенских домов.

Помолчали.

— Скажи, коллега, когда я умру? — спросил Леван.

— Не думайте о смерти, Леван.

— Путник должен знать время, когда он отправляется в путь, чтобы успеть уложить свои вещи. Когда я умру?

Бенжамен взгляделся в тусклые, бесцветные зрачки, прощупал пульс.

— Я думаю, недолго вы проживете, — сказал он. — В вашем распоряжении дней пять.

— Прекрасный диагноз, — сказал Леван с восторгом и тихой гордостью. — Да... А воскресенье в моем распоряжении?

— Да.

— Тогда скажи мне еще одну услугу, пригласи в воскресенье ко мне на обед друзей...

Бенжамен кивнул.

— И еще... Я хочу, чтобы похоронили меня в этом месте... — Он показал себе под ноги. — А чтобы ты чаще приходил сюда навещать старого друга, я оставляю тебе усадьбу и дом.

В просторной гостиной Левана собрались за столом почти все герои этой истории, за исключением недостойных и, разумеется, женщин.

Гости сидели чинно и молча, с уважением поглядывая на пустующее во главе стола кресло Левана.

У стены оркестранты тихонько настраивали инструменты. Все они были при галстуках и в костюмах явно из гардероба Левана.

Леван стоял перед зеркалом. Сорочка, жилет, смокинг — все бесформенно висело на его высохшем теле.

Старик вдел в манжеты массивные запонки, закрутил кончики усов и ладонями разгладил мохнатые брови.

Потом он вынул из вазочки розу, хотел сломать стебель, но пальцы не слушались. Тогда Леван, перекусив стебелек, вставил розу в петлицу, последний раз посмотрелся в зеркало и распахнул дверь в гостиную.

Наступила тягостная тишина.

Все привыкли видеть Левана счастливым, полным жизни, а сейчас перед ними стоял сломленный внезапно наступившей старостью человек.

— Друзья, — сказал Леван, занимая свое место во главе стола. — Это мой последний пир, и я хочу видеть только полные стаканы и веселые лица.

— Амины! — сказал отец Гермоген. — Да вознесет господь бог каждого из нас в свое время!

Гости перекрестились и выпили.

Леван тоже отпил из стакана.

— Так вот, когда господь бог возьмет мою грешную душу, не оплакивайте меня и вместо траура вденьте розы в петлицы. Кстати, а кто скажет надгробную речь? Я хочу при жизни услышать то, что будут говорить обо мне после смерти.

- Адвокат, конечно, — Бенжамен показал на Додо.
— Нет, я предпочел бы, чтобы это сделал ты.
— Но...
— Говори, коллега. Говори так, будто видишь меня в гробу.

Бенжамен почесал затылок, мучительно стараясь представить себе Левана мертвым.

— Итак... «тот, которого мы опускаем в землю, оставляет по себе единодушную скорбь».

— Нет, нет, нет. — Леван недовольно покачал головой. — Это ложь...

— Тогда, может быть, так: «...искренних, безутешных друзей, которые вечно будут оплакивать его».

— Нет, Бенжамен, — вздохнул Леван. — Тому, кто бредет дорогой жизни, бог даровал способность забвения. Оно медленно следует по пятам за смертью и стирает оставляемые ею следы.

— А если сказать: «...друзей, которые долго будут вспоминать его?»

— В добрый час!

— «Прохожий, брось цветок на его могилу!» — Бенжамен быстро выпил и сел.

Заиграл оркестр.

— А все-таки я добавлю пару слов, — сказал адвокат Додо стоящему рядом рыбаку Вану. — «Господа, здесь, над отверстой могилой, я скажу правду и только правду. Посмотрите на покойного! Посмотрите на его одухотворенное восковое чело!»

Все посмотрели на Левана.

— Ладно, ладно, посмотрели и хватит, — проворчал Леван и дал знак оркестру: — Сандро, сыграй!

— «Нет, нет и нет, — продолжал надгробную речь Додо. — Нет, я не буду говорить о достоинствах и талантах покойного! Не буду. Вы сами неоднократно имели возможность по достоинству оценить их...».

Во двор, сгорбившись под тяжестью гробов, вошли два носильщика.

Услышав веселую музыку, доносящуюся из окон, они удивленно вскинули брови.

Вино делало свое дело. Оркестр грохотал. Гости отдавали должное еде. А адвокат, стараясь перекрыть шум, держал речь:

— «Покойный жил, наслаждаясь жизнью...». — Голос адвоката тонул в веселом шуме танца.

— Скажи, как ты думаешь, я увижу мою девочку там? — склонившись к сидящему рядом отцу Гермогену спросил Леван.

— Ох! — громко вздохнул отец Гермоген.

— Что вздыхаешь, отец? Считаешь, для меня уготован ад? — спросил печально Леван.

— Нету, — угрюмо ответил отец Гермоген и всхлипнул.

— Что? — печально спросил Леван.

— Нету... — Отец Гермоген возвел глаза к потолку и горестно повторил: — Ничего нет...

— Как, батюшка, и рая тоже нет? — несказанно удивился Лука.

— Изыди! Сгинь, сатана! — завопил священник. — Проклятия на хлеб, на воду и на греховные карты твои, развратный юноша!

— Вы не так меня поняли, батюшка... — начал оправдываться Лука. — Я же вам объяснял. Это был «флирт» — игра для любви...

— Тихо! Прошу помолчать! — постучал вилок по столу адвокат. — «Благодаря своему уму покойный снискал благосклонность фортуны!..»

— Леван, — в гостиную поднялась тетя Домна. — Там гробы принесли. Красный и черный. Ты какой хочешь?

— Черный, — не задумываясь, сказал Леван.

— А с красным что делать?

— Отдай Савле. — Леван показал на старика скрипача, того самого, который мог и до сих пор может отравить всю Грузию цианистым калием.

— С ума сошел, — зашипела тетя Домна. — Для чего ему такой дорогой гроб?! На эти деньги весь оркестр можно похоронить!

— Хорошо, хорошо! Не твое дело! Иди!

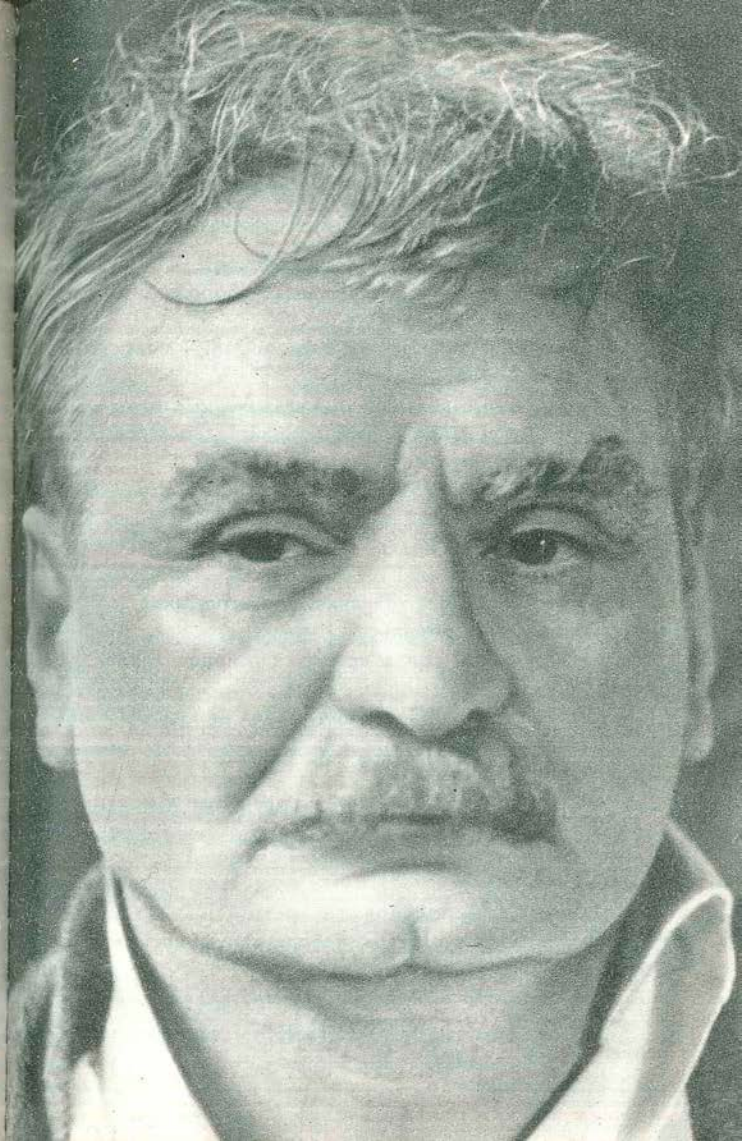
Старушка недовольно хмыкнула:

— У-у-у! Нашел причину напиться, да? Если умирать, почему не умираешь по-человечески? А? На кого дом оставляешь? А? На этого сумасшедшего? Да? — Домна показала на Бенжамена. — У-у-у!

— Иди, иди! — надулся Леван.

— Вот, например, батюшка, я вам говорю: «каменная». Ну что тут обидного. «Три грации считались в древнем мире. Родились вы — и стало их четыре», — угрозовал уже солидно выпивший Лука отца Гермогена. — Ну что тут обидного?

К хозяину подбежал старичок скрипач.

— Спасибо, Леван! Только если тебе все равно, дай мне, пожалуйста, черный. Черный гроб, клянусь мамой, мне больше нравится!

Глаза Левана налились кровью.

— Вот тебе черный! — Он поднес к носу скрипача огромный кукиш.

— А-а-а!

— Ты что сказал? Кто Навуходоносор?! Я Навуходоносор?! — кричал Лука, вцепившись в бороду отца Гермогена. — А ну, повтори!

— Ты меня не так понял, мой ангел! — недостойно визжал святой отец.

— Селянс! — Леван грохнул кулаком по столу. — Отпусти его, Лука! Сядьте все, Кончайте тарыхтеть, бездельники! — крикнул он оркестру.

— Правильно. Давно пора! — одобрил Додо. — И так, я повторяю. «Покойный жил, наслаждаясь жизнью...».

— И ты заткнись! Болтун! Человек уходит навсегда, а они базар тут устроили!

Наступило неловкое молчание. Все вспомнили, по какому поводу они собрались.

Леван, отдуваясь, сел в кресло и свирепо глядел на гостей.

— «Мравал-жамиер...» — вдруг запел он слабым старческим голосом.

Никто не поддержал его.

Леван замолк и закрыл лицо руками, чтобы скрыть накотившиеся слезы.

— «Мравал-жамиер!» — раздался звонкий голос Бенжамена.

— «Жамиер...» — поддержали гости.

Песня овладела столом и, набрав силу, уносила певцов в свои синие сказочные дали...

А Леван смотрел в окно, и ему было видно, как двое малышей, поминутно меняя руки, тащили вверх по тропинке кувшин с водой.

Леван встретился взглядом с Бенжаменом, улыбнулся ему, как бывало, своей обаятельной детской улыбкой, сделал ему знак, чтобы он продолжал петь, и, тихо поднявшись, незаметно вышел из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь...

Пришел редкий гость Грузии — снег. Луга, холмы и горы ослепительно забелели на солнце, а черточки заборов и цепочки протоптанных тропинок, пересекаясь, образовали причудливые геометрические фигуры.

Бенжамен, держа люльку, осторожно спускался по склону к дороге. Ближе к дороге склон стал круче, и Бенжамен, поскользнувшись, покати́л вниз на собственном задку.

Сразу же раздался детский крик.

— Сейчас, сейчас... — Бенжамен благополучно докатился до дороги и встал на ноги. — Вот и приехали! — сказал он люльке.

Крик не прекращался.

— Ты что, описался? — Бенжамен склонился над люлькой.

Ребенок орал.

— Ну хорошо, хорошо... На! — Бенжамен за голову вытянул из кармана фарфоровую куклу Мери и показал ее младенцу.

Младенец заорал громче.

— Подожди, не ори! На! — Бенжамен сунул младенцу свой любимый пробочник.

Младенец замолк.

— Ва! — послышался удивленный возглас.

Шагах в пяти от Бенжамена стоял осел, а на оселе восседал Коста.

— Привет земле и солнцу, мой дорогой! — улыбался Коста Бенжамену. — Ты куда?

— Домой. — Бенжамен кивнул в сторону города.

— А разве ты не там живешь? — Коста показал в противоположную сторону.

— Нет, Коста. Это не для меня, — грустно сказал Бенжамен.

— Конечно, не для тебя. Ну садись, дорогой! Мы тебя доведем!

— Спасибо, не надо...

— Нет, это тебе спасибо! Садись, умоляю!

— Это я тебя умоляю!

— Но я первый попросил.

— Хорошо. Пусть едет этот дворянчик. — Бенжамен поставил люльку на седло и пошел рядом с ослом, придерживая ее рукой.

— А кто это? — Коста шел с другой стороны осла.

— Это Бенжамен. Я его отнял у них. Чему они его научат? Сам воспитаю!

— Конечно, дорогой. Лучше тебя кто воспитает!

— Вот, везу сестре... По-моему, она обрадуется... — В последнем Бенжамен был не очень-то уверен.

— Еще как обрадуется! — Коста извлек из хурджи на бурдючок, отпил, передал Бенжамену и тихонько запел.

Бенжамен поддержал песню.

Так они и шагали, напевая в такт шажкам осла, на встречу голубой нищете.

ФИЛЬМОГРАФИЯ

Фильм по этому сценарию поставлен Экспериментальным творческим объединением киностудии «Мосфильм» при участии студии «Грузия-фильм» в 1969 году. 9 частей, 2578 метров.

Режиссер-постановщик — Георгий Данелия. Главный оператор — Вадим Юсов. Главный художник — Дмитрий Такашвили. Композитор — Г. Канчели. Звукооператор — Э. Зеленцова. Дирижер — Д. Кахидзе. Режиссер — Д. Кабахидзе. Оператор — Г. Полянок. Монтажер — Г. Спирина. Художник-гример — Т. Крылова. Художники по костюмам: М. Насидзе, Ф. Хахелидзе, Л. Ершова. Редактор — В. Гракина. Консультант — Т. Анджапаридзе. Текст песен — Т. Болквадзе. Директор картины — Г. Гвенетадзе.

Роли исполняют: Серго Закариадзе, Вахтанг Кикабидзе, Софико Чиаурели, Анастасия Вертинская, Лия Гудадзе, Верико Анджапаридзе, Сесилия Такашвили, Ариадна Шенгелая, Гоги Кавтарадзе, Ипполит Хвичия, Карло Саканделидзе, Додо Абашидзе, Котэ Даушвили, Евгений Леонов, Сергей Филиппов, Абесалом Лория, Леван Шамилов, Ика Нинидзе, Нана Канделаки, Бадур Цуладзе, Мераб Кокочашвили, Георгий Бадридзе, Давид Кабахидзе, Фрунзик Мкртчян, Зураб Капианидзе, Александр Купрашвили.

В фильме «Не горюй!» нам рассказали почти что сказочную историю. Как же случилось, что зритель без оговорок принял ее, увидел здесь рассказ и о себе тоже, радовался вместе с героями и вместе с ними утирал слезу?

Колдовство искусства — двойное: наша вера, вера зрителя, читателя, слушателя, вспыхивает, как от пламени свечи, от самозабвенной веры самих выдумщиков. Веры в этого героя, который был или будет, не может не быть, в эти идеи, за которыми будущее, в эти чувства, которых нет сильней...

Сто с лишним лет назад пылкий француз Клод Тилье, строптивый литератор, дерзкий журналист, придумал себе союзника, веселого и свободолюбивого забияку, лекаря Бенжамена Ратери. Придумал и написал о нем роман, тонкий и острый, как клинок дуэлянта. Рассказывая о временах давно прошедших, Тилье при этом ловко подкалывал его величество французского буржуа, а также первого мещанина королевства, Наполеона III...

С тех пор мир изменился неузнаваемо, но по-прежнему не стихает бой сил добра и человечности с ненавистью и глупостью. А как защищать справедливость художнику? Как и прежде — утверждая ее всемогущество! И вот дерзкий смельчак Бенжамен снова с нами. Только не в книге, а на экране, и не француз он теперь, а грузин, но в главном он такой же, каким должен быть хороший человек во все времена. Все так же он лечит бедняков и враждует с богачами, жалеет детей, любит вино и цветы, восхищается красивыми женщинами, помнит добро и не прощает обид.

А если спросят нас, в чем очарование этой улыбчивой и строгой, веселой и грустной картины, — ответить

просто: в неподдельности чувств и бескорыстии мысли. А еще — в редкой гармонии и полноте ее внутреннего мира. Какую историю нам рассказали? Комедию, драму? А какого жанра жизнь? Время требует от искусства смешения красок, совмещения жанров, резких контрастов и парадоксов — в этом тоже отражаются сложности человеческого бытия!

Но зачем пересказывать фильм? Фильм надо смотреть, сценарии надо читать. И радоваться ясной мысли, свежему взгляду, строгому вкусу. И верить, вслед за авторами, в доброту и духовность, в правдивость, свободу, смелость, одним словом — в силу искусства, этого великого растворителя ненависти и глупости, по выражению Томаса Манна.

Грузинского лекаря Бенжамена Глonti придумали авторы фильма «Не горюй!» сценарист Реваз Габриадзе и режиссер Георгий Данелия. Придумали? Или перенесли из романа — в фильм, из Бургундии — в Грузию, из середины XVIII века — в конец XIX?

Из богатого опыта кино мы знаем уже, как редки удачи с такой пересадкой сюжета в иную эпоху, среду, в другие обычаи, нравы и характеры. Как же случилось, что в «Не горюй!» перед нами безусловная удача? Да полно, было ли перенесение? Не переосмысление ли перед нами?

Не вышивают ли художники свои собственные узоры по чужой, знакомой канве?

Тем, кто интересуется, как возникает магия искусства, мы приготовили ниже беседу со сценаристом Р. Габриадзе, режиссером Г. Данелия, оператором В. Юсовым, художником Д. Такаишвили. Нам показалось забавным взять интервью и у Клода Тилье, тоже имеющего, что ни говори, некоторое отношение к фильму. Пусть стилизованный пересказ его романа станет как бы ответом на привычный вопрос интервьюера: «Простите, но что вы хотели сказать своим произведением?»

Вот новость: жизнь и смерть рядом! Всегда было так, и пусть это никого не пугает: пока мы живы — смерти нет, когда она придет — нас не будет!

Примете ли вы то, о чем я говорю, за философскую идею или за парадокс — мне безразлично. Мне сорок лет, я переменял четыре профессии: я был домашним репетитором, солдатом, школьным учителем, а сейчас я журналист. Я побывал на суше и в океане, в походной палатке и у семейного очага, за тюремной решеткой и среди вольных земных просторов; я повиновался и повелевал; знавал мгновения роскоши и годы нищеты... Я был сыном и отцом, любовником и супругом. И вот что я вам скажу: человек, не знающий страданий, — плохая машина, незаконченное создание, нравственный урод, каприз природы. Да, не нам суждено завершить все наши начинания. Дом, который мы строим, перейдет к нашим наследникам, халат, так заботливо простегиваемый нами, чтобы лелеять нашу старость, пойдет на ватнички для наших внуков... Когда мы чувствуем волчий аппетит молодости, когда кипит отвагой и кровь играет, как вино, — мы бедны, когда же все зубы выпали и желудок не варит — мы богачи. Мы едва успеваем сказать женщине «люблю тебя», как она уже дряхлая старуха... И все-таки — жизнь прекрасна! Неизменны все то же небо, то же солнце, все те же зеленеющие луга и золотящиеся поля, все те же мошенники и простофилии...

Но вам, наверно, уже наскучила философия, вы ждете рассказа о моем незабвенной памяти дядюшке, лекаре Бенжамене Ратери из города Кламеси, что в Бургундии, — не худшего местечка нашей прекрасной Франции. Тогда позвольте вернуться к эпохе, отделенной от нас двумя поколениями. Нравы той эпохи были достойны современных; народ носил цепи, но он плясал в них.

Люди были беспечны: закрыв глаза, они отдавались течению жизни; что ж, веселье бедняка — это его гордость.

Бенжамен, мой незабвенный дядюшка, ростом был пять футов и десять дюймов, носил, по праву врача, на боку длинную шпагу, пунцовый камзол, того же цвета штаны, шелковые чулки и башмаки с пряжками. За спиной у него болталась черная коса точно такой же длины, как его шпага. Не знаю, доверяли ли ему больные, но сам Бенжамен очень мало доверял медицине. Он постоянно повторял, что если врач не отправил своего пациента на тот свет, то одним этим он уже в достаточной мере принес ему пользу. «Если врач ограниченного ума, — говаривал мой дядюшка, — то я даже своего мизинца не доверю ему лечить, а предпочту смышленного неуча!» Наука учит только умного. Это тем более справедливо, когда касается медицины.

Две вещи необходимы для врачевания: ум и проницательность!

Он был беден, мой дядюшка, он поселился у своей сестры, моей незабвенной бабушки, а в этой семье три селетки были обедом семерых человек, но хлеба и вина было вдоволь. Что подлащались! Как часто приходилось Бенжамену подниматься до рассвета, ходить из одной двери в другую, осматривать язык у одного, слушать пульс у другого, и в большинстве случаев крестьяне могли предложить ему только хлеб, вино и молоко. Зарабстав несколько монет, дядя Бенжамен покупал большого карпа и отдавал его сестре; она готовила мателот, и вся семья лакодилась. Зато, по словам всех знавших Бенжамена, он был самым веселым, остроумным и забавным человеком в округе, а также (как бы мне деликатнее выразиться...) он был человеком наименее трезвым.

Только не подумайте, что был он тем, что определяют банальным словом «пьяница». Он был эпикурец, сле-

довавший своей философии вплоть до пьянства — исключительно — и только. В конце концов, надо, чтобы молодость прошла! Вино он ценил не само по себе, а за то блаженство, которое оно дарует. Если бы молитвы опьяняли, он молился бы ежедневно!

Дяде Бенжамену было двадцать восемь лет, он уже три года был врачом, но не имел ничего, кроме долгов. И ежедневно по вечерам, после ужина, его сестра, которая была на три года старше Бенжамена, вынылачила его и смотрела на себя как на его руководительницу, настойчиво советовала ему жениться.

— Фи, — возражал Бенжамен, — это для того, чтобы иметь шестерых детей, как твой муж, и обедать плавниками селедки? Много я выиграю, если женюсь! Жене будет казаться, что я слишком много сыплю сахара в вино и пудры на косу. Кредиторы? Пустое, хороший кредитор терпелив!

Бабушка моя была настойчива, но дядюшка упрям, и только некая семейная катастрофа заставила его дать слово впредь вести более пристойную жизнь, жениться и расплатиться с долгами.

Вскоре нашлась и подходящая невеста: богатая наследница, дочь папаши Менкси, уездного лекаря...

Ах, как хорошо было бы, если бы человек мог выбирать спутницу жизни по своему вкусу! Но условия социальной жизни принуждают нас жениться самым нелепым образом: мужчина женится на приданом, женщина выходит замуж из-за выгоды... И только потом спохватываются, что совершенно не подходят друг другу: он скуп, она расточительна, она кокетка, он ревнивец, она любит ветер северный, он южный... Но — поздно, железные тиски сомкнулись!

Но слово есть слово, и оно было дано. В воскресенье Бенжамен вместе с моим дедом направились к господину Менкси, уездному лекарю, специалисту по почечным болезням.

Никому не известно, почему господин Менкси считался лекарем: все его медицинские познания были плодом собственной изобретательности. Впрочем, господин Менкси был умным и сообразительным человеком, и если латынь он изучал по надписям на пузырьках, то науку практической жизни постиг в совершенстве: он знал, как убедить толпу в том, что он — великий лекарь. Через двадцать лет практики он научился отличать мутную мочу от прозрачной. Он находил слова, которые производили впечатление на крестьян: во всей округе желали умереть только от руки господина Менкси. Но он не злоупотреблял своей привилегией и не был большим душегубом, чем все его собратья.

Естественно, что дядя и господин Менкси подружились с первой же встречи. В сущности, их характеры были так же похожи, как две капли вина. У них были одинаковые желания, вкусы, страсти, убеждения и политические взгляды. Жизнь была для них фарсом, в котором они, насколько могли веселее, разыгрывали каждый свою роль. Различие их возраста замечалось только по морщинам у старшего. Это были два дерева одной породы!

Распив с Бенжаменом несколько бутылок доброго вина, господин Менкси показал ему свой дом, погреб, амбары, конюшни, сад, луг и живорыбный садок. Именно было очень соблазнительным, но, увы, за все эти блага надо было платить ценою брака! А барышня Менкси, по правде говоря, была не хуже и не лучше других — таких из тридцати встретишь двадцать пять. Не столько даже она, сколько брак как таковой отталкивал дядю. К тому же он слышал, что барышня Арабелла равнодушна к одному из местных дворян, некоему де Пон-Кассе.

— К черту дворян! — вскричал в ответ господин Менкси. — Мне требуется в зятя дитя народа, человек, похожий на тебя, Бенжамен, с которым я мог бы веселиться, пить и философствовать, и к тому же способ-

ный лекарь, который вместе со мной сумеет ловко врачевать моих бедных больных... Друзья, за здоровье господина Ратери, лучшего врача в округе и моего будущего зятя! Музыка, туш!

При этом тосте барышня Менкси надула губки, а Бенжамен шепнул своей сестре:

— Я предпочел бы жениться на самом господине Менкси, а не на его дочери.

На что сестра справедливо ему заметила:

— Надо всегда желать только того, что достижимо, а достигать того, что желалось!

Ах, какая умница была сестра моего дяди!

Так они пили, веселились и философствовали, довольные друг другом. И сватовство быстро бы продвинулось вперед, не случись с моим дядей ужасного происшествия: ему пришлось... поцеловать маркиза!

Мой дядя не раз говорил: «Дворяне никогда не препятствовали моей карьере, но это не мешает мне ненавидеть их всей душой».

Дворянство! А что такое дворянство? Генрих IV возвел в графское достоинство какого-то негодяя только за то, что он подал к столу его величества хорошего гуся. Дворянство! Что это за благородство, переходящее от отца к сыну, как пламя потухающей свечи? Однако пока будут короли, будет и дворянство. Король без дворян — гостиня без передней, но они дорого заплатят за свое честолюбие: кто посеял привилегии — пожнет революцию!..

Маркиз де Камбиз, бывший офицер королевских мушкетеров, был грозой всей округи. Он порол крестьян, насиловал их хорошеньких жен, вытапывал крестьянский урожай, тиранил и оскорблял из самодурства, ради развлечения, из честолюбия. Он не знал лучшего способа показать людям свою власть, как угнетая их. Властелин всей округи, маркиз де Камбиз был неприкосновенен, не было на него ни суда, ни управы.

И вот с этим страшным человеком столкнулся мой дядюшка.

— Эй ты, деревенщина, почему ты не кланяешься?

— А ты? — смерив его с ног до головы, спросил дядя.

Маркиз пришел в бешенство. Вооруженная челядь схватила дядю, его привели в замок. Последовала издевательская пародия на суд, и маркиз де Камбиз произнес приговор:

— Суд присудил присутствующего здесь осужденного поцеловать маркиза де Камбиза, владельца всей округи, бывшего лейтенанта мушкетеров... в то место, какое вышеназванный сеньор укажет!

Бедный дядя рычал от бешенства... Но...

Приговор был приведен в исполнение. Да, в этом обществе сильный попирает ногами слабого, напрасно зывающего о помощи.

— О! — сказал дядюшка самому себе и господину Менкси. — Я отомщу! Я буду подстерегать его, как кошка подстерегает мышь!

И дядя отомстил! Он подстерег маркиза де Камбиза, и тот вернул моему дядюшке равноценный поцелуй! Более того, маркиз пытался купить молчание дяди и прислал ему мешочек золота с просьбой «забыть о происшедшем между ними недоразумении». Нет, старая истина верна: лучше заставить сильных бояться тебя, чем любить. Дядя с презрением отверг деньги маркиза, и по-прежнему в округе не было человека, перед которым моему дядюшке пришлось бы опускать глаза.

Но поистине в наше полное наглое спеси и смешной гордости время человек сам причина постигающих его бедствий! Судьба осыпала дядюшку то розами, то терниями и, как всегда, невпопад, по своему обыкновению. Вернув маркизу золото, Бенжамен стяжал уважение всей округи... и гнев своих кредиторов, которые посадили его в долговую тюрьму. Но душа этого человека была неуязвима для ударов судьбы.

— Тюрьма! — говорил Бенжамен. — Тюрьма внушает ужас как место лишений и скорби, а между тем во Франции пятнадцать миллионов живут, как заключенные в тюрьмах. Человеческая свобода состоит в том, чтобы иметь возможность делать лишь то, что тебе нравится. Чье тело в плену, но мысль вольна, тот свободен! Мне доставляет удовольствие говорить судьбе: я не согнусь под твоей дланью! Бей сколько хочешь, бей еще: я смеюсь над твоими ударами!

Так философствовал в тюрьме Бенжамен, но недолго он был ее узником: благословен тот, у кого много друзей! Я не желал бы попасть даже в рай, если там не будет вина и друзей! Снова Бенжамен был на свободе, и жизнь продолжалась, черт возьми! Но что долговечно в этой странной истории, которую мы называем жизнью? Судьба сделала свой ход: на авансцене появился дворянчик, виконт де Пон-Кассе, который охотился за приданным девицы Менкси и, как скоро выяснилось, пользовался ее благосклонностью.

Дядюшка Бенжамен, догадываясь об этом, говорил господину Менкси:

— Дорогой друг, женщина не всегда счастлива с тем, кого она любит, но всегда несчастна с тем, кого она не любит. Я не принадлежу к числу ловцов приданого. Небеса наградили каждую девушку сокровищем любви, и ее право дарить его тому, кого она любит...

Но господин Менкси был непреклонен: пустое, дочь принадлежит ему, и она полюбит того, кого выберет для нее любящий отец!

Даже лучшие из отцов в детях любят прежде всего себя...

Вихрь событий кружил Бенжамена Ратери и семью господина Менкси... Прощельга-дворянчик, виконт де Пон-Кассе вызвал на дуэль Бенжамена и был примерно наказан: мой дядя трижды выбивал шпагу из его рук. Но пока друзья праздновали победу, дворянчик похитил

барышню Менкси и увез ее в Париж. Бенжамен и господин Менкси бросились в погоню, но что же они узнают, достигнув Курсона! Задира-мушкетер повздорил с постояльцем из-за лучшего места в гостинице и был убит на дуэли, а у бедняжки Арабеллы начались преждевременные роды, и она тоже при смерти...

Так грустно кончается мой рассказ... Но такова жизнь! Господин Менкси тяжело занемог... Он отказался от шумной жизни. Даже жизнерадостность моего дяди разбилась о мрачную меланхолию господина Менкси. И однажды он спросил друга:

— Скажи мне, Бенжамен, сколько дней мне осталось еще жить?

Мог ли Бенжамен солгать ему?.. Путешественник вправе знать время отъезда, чтобы успеть уложить свои вещи...

И господин Менкси сказал:

— Бенжамен, пригласи ко мне друзей на торжественный обед, я хочу покинуть жизнь, примирившись с ней, и с бокалом в руках сказать ей последнее прощанье...

И было так, как он пожелал. И в воскресенье господин Менкси сказал друзьям:

— Не оплакивайте меня и вместо траурного крепа вдените розы в ваши петлицы. Я хочу, чтобы мой потухающий взор видел только полные стаканы и веселые лица. Будьте веселы, как бывало! А ты, Бенжамен, произнеси сейчас надгробную речь. Мне будет приятно услышать при жизни, что будут говорить над моей могилой!

И хотя сердце моего дядюшки рыдало, он произнес надгробную речь, закончив ее так:

— Он жил, как мудрец, наслаждаясь жизнью, и умел заставлять наслаждаться ею других. Прохожий, брось цветок на его могилу!

А через час господина Менкси не стало...

Но укажите мне дом, где кого-нибудь не оплакивают!

И все-таки — вы заметили — книга о лекаре Бенжамене Ратери из города Кламеси имеет счастливый конец: мой дядюшка Бенжамен все-таки разбогател, получив в наследство все имущество господина Менкси. Это, может быть, не очень-то последовательно с его и моей стороны, но что поделаешь, все мы дети своего века!

А кроме того, это так приятно — сделать людей счастливыми, хотя бы только в книгах!

ГЕОРГИЙ ДАНЕЛИЯ, режиссер

Когда картина сделана, режиссеру принято говорить: — Я полжизни мечтал поставить этот фильм.

Но, что поделаешь, о «Не горюй!» я не могу этого сказать. Все было гораздо проще. Роман Клода Тилье «Мой дядя Бенжамен» — любимая книжка в нашей семье, мы ее часто перечитываем. Так было и на этот раз. Я как раз был в простое, искал тему, сценарий. Чтобы взбодриться, взял «Бенжамена», перечитал. И подумал: почему бы не поставить ее, перенеся все действие в Грузию? Почему-то не возникло ни малейшего сомнения в том, что это удастся. Наверно, потому, что национальные характеры бургундцев, героев Тилье, и грузин показались мне схожими...

Что привлекло меня в романе «Мой дядя Бенжамен»? Мощный заряд оптимизма. Характеры. Какое-то особенное настроение книги, одновременно и озорное, и философичное, и условное, и очень реалистичное. Истоки романа Тилье — в фольклоре, в плутовском романе. И фабульные ситуации и герои романа напоминают фольклорные мотивы и героев фольклора разных народов, имеют характер всеобщности. Для кинематографа это бесценное качество.

Потом мне повезло со сценаристом. Я не мастер говорить комплименты, скажу только, что для этой ра-

боты лучшего автора, чем Резо Габриадзе, нельзя и представить: идеальное совпадение. Прочтя книгу, Резо сразу загорелся, ему казалось, что написать сценарий по ней будет очень легко. На самом деле это оказалось сложным делом.

Мы взяли у Тилье фабулу. Она проста: живет в провинциальном городе молодой врач, не очень преуспевающий. Сестра хочет устроить его судьбу. Способ испытанный — женитьба на богатой невесте. Отец согласен, но невеста влюблена в другого, бежит с ним и гибнет. Отец, заболев от горя, угасает, а перед смертью устраивает прощальный пир.

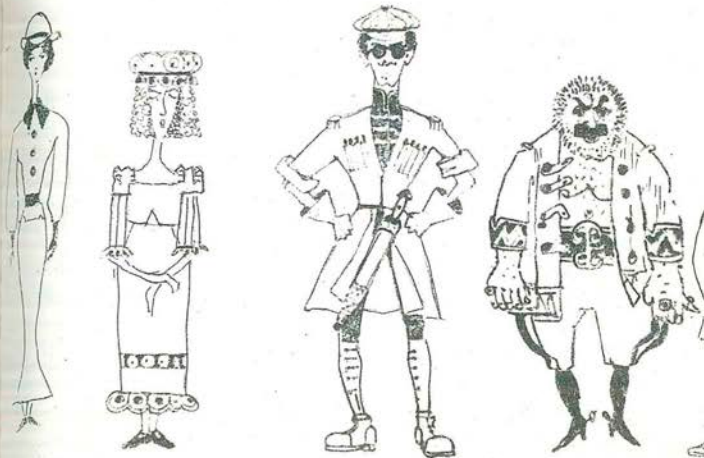
Казалось бы, нет ничего проще перенести такую фабулу в сценарий. Однако тут-то и начались трудности. Национальный характер, национальная атмосфера складываются из мельчайших частиц, как мозаика, тут нельзя сфальшивить даже в мелочи. Социальные черты, приметы времени надо было воссоздавать заново. Чисто

внешняя схожесть очень обманчива, между социальной действительностью Франции середины XVIII века и Грузии конца XIX века — расстояние в полтора столетия и несколько тысяч километров. Наш Бенжамен не просто врач и не французский врач XVIII века — он грузин и живет в конце XIX века. С большим трудом, постепенно фабула стала наполняться приметам национальной, общественной и личностной характеристики и становилась сюжетом...

Мы написали шесть вариантов первой трети сценария (до появления князя), пока нашли интонацию и стиль. Мы многое перестроили — начиная от характера Бенжамена, не очень-то симпатичного при подробном рассмотрении. Естественно, надо было многое сократить, чтобы вместить роман в рамки сценария. И каждый раз эти заботы, неизбежные при любой экранизации, осложнялись поисками национального характера и стиля будущего фильма.

Стиль вещи мы определили так: полусказка. Все герои заявлены поступками неординарными, не бытовыми: доктор с песней едет на осле, детей купают в вине, поп мертвецки пьян, а шарманщик почему-то сидит на дереве — все утрировано. (В сценарии это отрицание быта, эта полусказочность ощущались сильнее, чем в фильме.) Это давало возможность экономить на экспозиции характеров, на объяснении роли каждого из них в рассказе. Герои входят в повествование, как с визитной карточкой, с каким-то поступком.

Очень важен был для нас Бенжамен. Он герой положительный. Чем он симпатичен? Прежде всего — бескорыстием: фильм начинается с того, что доктор отказывается брать у крестьянина деньги за лечение. И в своей профессии он честен и принципиален — больные даже обижаются, что доктор Глonti лечит их слишком просто и дешево. Он добр, умен, обаятелен, бесхитроушен, горд, смел, обладает чувством юмора. Эти каче-

ства во все времена ценились дорого. Даже недостатки Бенжамена не отталкивают его от нас, наоборот, делают живым и достоверным. Кажется, Бенжамен получился у нас таким, каким мы его видели.

Труднее было с Мери.

Даже внешний рисунок несколько раз менялся в процессе работы над сценарием. В каждом из вариантов были свои плюсы и минусы, но что-то до конца нам так и не удалось в этой сюжетной линии. Тут сказалось, наверное, главное наше затруднение в работе над этим фильмом — поиски психологически оправданного перехода от комедии к трагедии.

В первых вариантах Мери у нас просто убегала из дому с любовником, отчего отец ее тихо угасал от горя. Но из этой схемы выпирала психологическая неправда: такой человек, как Леван, побушевав, простил бы любимую дочь. И уж, во всяком случае, не умер бы от этого. В конце концов мы написали все так, как это видит в картине зритель: побег Мери с Алексом, гибель его на дуэли, ее страдания, роды и смерть. В этом

варианте нам, безусловно, удалось оправдать преждевременный уход из жизни Левана. Но я заметил на просмотрах, что зритель не сразу верит в смерть Алекса. Только позже, в сцене беседы Левана с Бенжаменом, открывается что-то трагическое в судьбах Мери и Алекса. Теперь я вижу, что мы допустили какую-то ошибку в этом переходе от комедии к драме, не все его принимают... Можно, конечно, было бы сделать всю эту сюжетную линию иначе, но тогда история Мери и Алекса превратилась бы во вставную новеллу и ритм фильма сломался бы. А это очень опасно.

Наверно, нам следовало бы чуть раньше дать заявку этой трагедии. Ведь не случайно одним зрителям нравится весь фильм, другим только первая половина, третьим — только вторая. Поскольку есть ощущение двух частей, — значит, где-то тут кроется просчет.

Но пусть лучше будет просчет, чем фальшь. Я уважаю в искусстве сдержанность. Не люблю философии с экрана, когда герой начинает поучать и объяснять самого себя.

Люблю, чтобы философия была видна из картины.

Режиссер никогда не бывает доволен тем, как прошел у него съемочный период. И я не исключение. Трудностей и осложнений на съемках было много.

Когда пишешь сценарий, создается определенное видение фильма. Видишь героев, то есть известных тебе актеров в придуманных тобой же ситуациях, видишь окружающую их обстановку, картины природы, быт. Потом, когда ищешь натуру, это видение меняется, приходит конкретный образ, и иногда он кажется менее выразительным, менее интересным, чем воображаемый.

В сценарии у нас написано: вдоль голубой, прозрачной реки, по коричневой дороге, вьющейся между зелеными холмами, идет солдат. Так я видел эту сцену. Но оператор Юсов выбрал всякий мост. Сначала я не принимал этой перемены, внутренне не принимал. По-

мимо зрительного образа сцены у меня жило внутреннее ощущение ее: Бенжамен там у нас лежал в траве, грыз соломинку, смотрел в небо... Была в этом какая-то общность героя с природой. Мне казалось, что сцена у моста стала суше, холоднее. Но потом я привык к ней, и теперь она мне даже нравится.

То же произошло и со сценой княжеского суда. Захваченного в плен Бенжамена должны были долго вести по каким-то темным и мрачным переходам, а потом приводили в помещение с совершенно средневековой обстановкой. Так было задумано, чтобы внушать ощущение опасности для героя. Но потом мы все изменили, сцена была снята проще, без символики, но, может быть, это и к лучшему, она стала чище по стилю, яснее.

С героями было и проще и сложнее. Проще потому, что многие роли писались в расчете на определенных актеров: мы видели в Софику — С. Чиатурели, в Левана — С. Закариадзе, в солдате — Е. Леонова... Сложнее же потому, что, сочиняя сценарий, мы еще не знали, кто у нас будет играть главного героя, Бенжамена. Из грузинских актеров на эту роль никто не подходил — не находилось необходимого сочетания легкости и значительности.

Вахтанга Кикабидзе я впервые увидел по телевидению в концерте «Оперо». Попросил прислать его актерские фотографии. Получив — разочаровался: в них он никак не напоминал свой сценический, эстрадный образ. Познакомились мы в Тбилиси, на пробах, и первое впечатление от него было очень неопределенным, двойственным. Как будто это был совсем другой человек, не похожий на увиденного на экране телевизора. И уж, во всяком случае, — не Бенжамен Глonti. Но в то же время я заметил в нем неожиданные, контрастные, яркие черточки, почувствовал остроту мышления, заметил умный, резкий взгляд... И все-таки мне казалось,

что Бенжамен должен быть более благодушным, менее резким. А в Бубе (его все так зовут) была нервная чувствительность, отзывчивость восприятия...

Решили пробовать. Первая сцена — с турком, в тюрьме. Я ему пояснил свое видение этой сцены, драматур-

гическую задачу. Вижу — он начинает жить образом, и все интересно... но у Бубы иное отношение к турку: и сложнее и ярче. Вот тогда я утвердился в мысли, что Бенжамен у нас есть. И не ошибся. Но поскольку Вахтанг Кикабидзе в роли Бенжамена Глonti был совершенно не похож на того доктора Глonti, который представлялся авторам сценария, пришлось многие сцены переписать, решить совсем в ином ключе.

Первый месяц мы с ним каждый вечер подолгу говорили о Бенжамене. То, что многие поступки Бенжамена смешны, — это лежало на поверхности образа. Так, может быть, есть смысл перестроить роль в эксцентрическом плане, прикидывали мы. Но это упрощение неизбежно повлечет за собой и другие, вплоть до упрощения мысли и духа картины. И мы отказались от облегченного решения, мы искали глубины во всем, начиная от внешнего вида героя: теперь нам виделся уже не молодой человек свободной профессии в блузе и с бантом, а молодой врач, одетый строго и привлекательно — ему необходимо походить на преуспевающего врача, чтобы привлечь пациентов. Но в его респектабельности есть и натянутость — она от бедности.

Очень мне нравилось, что Буба никогда не совмещал себя с Бенжаменом, даже когда полностью был в роли. Он постоянно контролировал себя: а мог ли Бенжамен так поступить? Как актер он целиком отдавался работе, жил жизнью группы и помогал чем мог. Хороший товарищ!

Как мне кажется, актерский ансамбль в фильме соответствует поставленной нами задаче. Все актеры играют несколько условно — не потому, что иначе не умеют, а потому, что так требует общий стиль фильма. Они чуть-чуть наигрывают: мы везде, во всем стремились не к правде, а к правдоподобию «сказочных» по сути своей поступков; ни на кого из актеров я не могу пожаловаться. Некоторые сами усложняли свою

актерскую задачу. Вот, например, князь: он сразу взял очень высокую ноту и до конца ее выдержал, и получилось хорошо.

Что касается Варлаама, этого смешного мальчишки, то он попал к нам совершенно случайно. Выбирали натуру на Хлебной площади в Тбилиси, увидели занятого подростка, хотели поговорить, а он убежал. Второй режиссер пошел за ним, потом вернулся и жалуется: совсем дикарь, он меня убьет! Пошли и мы, видим: стоит на лестнице парень с метлой и дико орет, что никого к себе не пустит. Еле уговорили, чтобы подошел к нам.

Очень многим картина обязана художнику Дмитрию Такашвили. Он сразу и точно нашел стиль декораций.

Это — графика, грузинская графика, верно найденные приметы времени. Это удача, когда художник так восприимчив к идеям режиссера и оператора. Театральная и кинематографическая Грузия очень любит Д. Такашвили. Даже в монастыре, в районе Мцхеты, его знают и уважают. Только благодаря ему нам разрешили снимать в действующей церкви монастыря.

Как режиссер скажу: в общем фильм мне нравится. Главным образом — всей атмосферой жизни, общим настроением. Но многое сейчас хочется изменить и переложить.

Не нравится сцена ссоры Софики с матерью Коки. Сейчас иначе бы сделал весь эпизод смерти Мери. Тризну бы начал более динамично, взаимоотношения заявлял раньше и резче и юмора добавил бы.

Но работа кончена. Теперь позади и тот период, когда томишься, не зная — есть фильм или фильма нет, а есть только круглые коробки с пленкой.

Фильм есть, работа сделана. Теперь я потихоньку от нее отхожу. Иначе нельзя начать новую работу — есть опасность повториться. Тут надо отбить границу.

А потом — новая задача, новый фильм.

РЕВАЗ ГАБРИАДЗЕ, сценарист

Вы спрашиваете, трудно ли было мне, сценаристу, найти общий язык с режиссером? Не знаю, что на это ответить... Если и были трудности, то они забылись, а точнее сказать — забывались сразу. Все это время я запомнил как один большой и веселый, нескончаемый рабочий день.

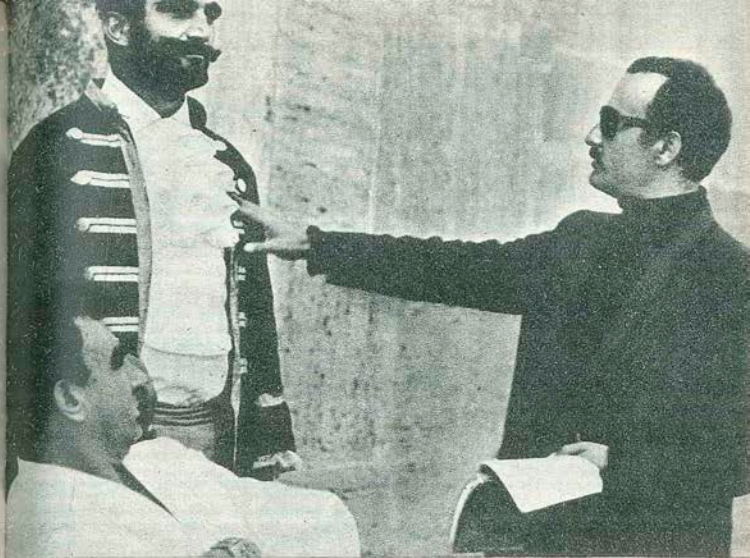
К этому времени я уже поработал над одной картиной и, как мне казалось, кое-что в кино понимал, но с первого же дня сотрудничества с Гией Данелия убедился, что понимал немного.

Сейчас, когда смотрят фильм, часто говорят: «Да, это Грузия!» Слыша эти слова, я вспоминаю, с какой трогательной бережностью относился Гия Даниелия к первоисточнику фильма, роману Клода Тилье «Мой дядя Бенжамен». Но ведь это была Франция, Бургундия, Клемеси! И это была литература — блестящая, но литература. Нужно было перевести ее на киноязык. Помня печальный опыт многих экранизаций, слепо следовавших за литературой, мы решили прежде всего сохранить дух романа Тилье, даже если придется отказаться от некоторых героев и подробностей сюжета. Жалко было расставаться с ними, но тут же рождались новые герои, которые как-то сразу прижились в сценарии.

Так нашли мы шарманщика Сандро, отца Гермона...

Постепенно мы выработали один прием, который Даниелия в шутку называл «законом третьего идиота». Когда, бывало, сцена заходила в тупик, действие останавливалось, герои замолкали, а другие болтали совсем не то, что нужно авторам, в такой тяжелый момент неожиданно появлялся какой-то незначительный персонаж, который и понятия не имел о том, что тут происходит, и своими глупыми поступками и словами невпопад вдруг оживлял всю сцену, и снова все приходило в движение, как будто на мельничное колесо пустили воду.

Очень помогали нам рисунки Гии. География сцены, выражение лица персонажа часто рождали неожиданную и нужную реплику или поступок, а иногда просто перестраивали наш план действия. Так с рисунка Гии сошел в сценарий шарманщик Сандро. Еще пример. Сперва был рисунок, а лишь потом мы описали его словами: «Суд вершился у конюшни. Бенжамен был привязан к эрбе, а перед ним в массивном кресле с высокой спинкой, окруженный челядью, сидел князь

Вамех Вахвари...» Сравните этот рисунок с кадром из фильма — полное сходство.

Так постепенно Франция превращалась в Грузию. Появлялись люди из наших воспоминаний, знакомые, друзья, родственники, их любимые словечки, поступки... Возвращается, например, Гия из парикмахерской и приносит оттуда нашего цирюльника Эроси, с его нищетой и гордостью: «Да, только мы, грузины, можем все».

На картине «Не горюй!» было так интересно работать, что даже не хочется употреблять слово «работа». Вы знаете, это общее мнение всей группы — от осветителя до сценариста. А для меня это время было кинематографической школой. Самым поучительным были лаконичность режиссерского мышления, энергия, темп.

Когда фильм был закончен и я смотрел его, мне казалось, что ничего в нем не выдуманно, просто режиссер, как Гуливер в Лилипутии, подобрал нужных человечков, рассмотрел их внимательно и с улыбкой, а потом осторожно, чтобы не повредить и не испугнуть, вернул их обратно, на сцену жизни, и вот Лука снова принялся писать и переписывать, а Залетаев опять зашагал неизвестно куда, Бенжамен снова начал пить, петь и мечтать, а Вахвари заставлял целовать себя и целовал сам... Словом, спектакль жизни продолжался — и не было ни осужденных, ни проклинаемых!

ВАДИМ ЮСОВ, оператор

Как складывался изобразительный строй фильма? Подход к материалу в принципе всегда один и тот же. Я прочитал роман Клода Тилье, он показался мне интересным. А после беседы с Георгием Николаеви-

чем Данелия стало более или менее ясно, куда он поведет сценарий.

Невозможно сразу почувствовать изобразительную манеру будущего произведения. Это вызывает медленно, постепенно, где-то в подсознании, даже когда не думаешь о работе. Конечно, много диктует сам жизненный материал, облюбованный сценаристом, но далеко не все. По роману мы составили лишь приблизительное видение изобразительного строя. В литературном сценарии оно почти определилось. Стало ясно: фильм должен быть цветной. Но как решать его в цвете? Ярko или пастельно? Мы чувствовали, что фильм должен быть изящным, это шло от литературы — легкой, озорной. Надо избежать банальности, найти что-то новое, свежее... И при всем этом нельзя, чтобы сегодняшние наши вкусы и эстетические принципы не пришли в столкновение со стилем жизни того времени и места действия.

Национальный колорит фильма чрезвычайно ярок, но именно потому мы хотели его слегка приглушить, чтобы избежать вычурности, восточной экзотики. Этому принципу мы были верны до конца. Однако вначале у нас было намерение сделать фильм слегка эстетизированным, немного условным, это, как нам казалось, создало бы общее впечатление легкости, изящества. Затем мы отказались от этой мысли — и хорошо сделали. Фильм стал строже, точнее, реалистичнее. Ярko, но не пестро — вот что стало принципом. Цвет стал для нас одним из элементов драматургии. Шли непрерывные поиски. Например, для создания верного цвета лица героя мы с художником Д. Такаишвили для каждого кадра искали не только световое решение, но и фон, на котором портрет выглядел бы интересно, достоверно и драматично.

Вообще я не сторонник неуклонного следования однажды принятому решению. На съемках часто воз-

никают неожиданные решения кадра, его цветовой палитры — в зависимости от непредвиденных обстоятельств: от каких-то находок актера, его мимики, рисунка движения, настроения, предшествующих или последующих кадров.

Для меня картина была трудной. Не только потому, что она цветная. Она изобразительно невыигрышна.

Сейчас я вспоминаю картину «Я шагаю по Москве», над которой мы тоже работали вместе с Г. Даңелия. Там многое строилось на чисто изобразительных моментах, даже без участия актера. Здесь же этого не могло быть. «Не горюй!» — фильм строгий, актерский, держится он на драматургии, на характерах. Поэтому мне, оператору, приходилось постоянно ограничивать самого себя. Актер в кадре — вот что было главным, и моя профессиональность проявлялась в том, насколько

ко я помогал ему донести до зрителя все оттенки, все нюансы психологического решения. А панорамы, приемы, ракурсы — то, что в глазах некоторых критиков служит признаком операторской профессии, — все это было на периферии нашего внимания. Вот почему в такой картине оператору не удастся эффектно себя показывать.

Но мы к этому и не стремились. Я всегда стараюсь добиться цельности фильма, отдельные изобразительные вспышки, как бы хороши и эффектны они ни были, ценности для меня не имеют вне общего строя фильма, вне его драматургии. Легко вообразить, как можно было бы развернуться оператору на таком материале, заставить зрителя ахнуть и удивиться. Но мы снимали сдержанно и строго. Я доволен, что и великолепный грузинский пейзаж не врывается в фильм извне, не бьет в глаза своими красотоми, а как бы поднимается из глубины общего видения фильма, мягко и ненавязчиво. Так и было задумано. В равнинной части Грузии, где мы снимали, и характеры, и нравы и обычаи мягче, а этому прекрасно соответствует характер местности. Помните первые кадры? Мягкие, округлые холмы, плавные линии далей, мягкие тени. Мы хотели, чтобы образ края соответствовал характерам жителей, чтобы они сливались в одно впечатление, в один образ. Это стилевое единство в портретном и пейзажном изображении выросло из нашего видения фильма и в свою очередь создает, как я надеюсь, столь же цельный комплекс ощущений у зрителей.

Не все нам удалось, конечно. Как оператору, мне жаль, что в монтаже выпали какие-то любимые куски, кадры базара например. Не удалось мне снять, как хотелось, ночной пробег Софики, — помните, она бежит спасать мужа и брата?.. Кусок драматически важный, а я, как оператор, в этой сцене допустил просчет,

сделал не все, что мог... Жаль, теперь этого не исправить.

А фильм я очень люблю. По-моему, получился добрый, умный, человечный фильм.

ДМИТРИ ТАКАИШВИЛИ, художник

Цветной фильм для художника все равно, что живописное полотно длиной в две с половиной тысячи метров. Столько же трудов, столько же задач для души, для глаза, для рук!

Цвет. Костюмы. Декорации. Старый грузинский быт, давным-давно исчезнувший...

Как раз во время съемок нашего фильма в одном из старых районов Тбилиси стали сносить дома, отжившие свой век. И надо было видеть, как мои коллеги по картине в пыли и грохоте спасали от разрушения драгоценные для нас вещи: кованые ворота старинной работы, дверные ручки, оконные рамы, изъеденные временем балки, изразцы и решетки. Они, эти вещи, и помогали нам вытравлять из картины ощущение фальши и подделки, которое всегда, как ни старайся, выдают на экране бутафория и декорации.

А нам так хотелось, чтобы все в картине было неподдельным. Прежде всего — цвет. Цвет — это было главное! Мы старались сделать фильм ярким, красочным, красивым — и безукоризненно точным по стилю, вкусу, ощущению времени. Находить решение было непросто — и в то же время легко и радостно: первый раз мне пришлось работать на картине, где и постановщик, и оператор, и сценарист рисовали как профессионалы.

Беседа, мы непрерывно рисовали. Мы рисовали больше, чем говорили! Все предложения немедленно иллюстрировались, все сразу становилось зримым на

бумаге. Никогда прежде моя работа не встречала такого быстрого понимания, такого живого отклика. Мы работали в атмосфере, которую с полным правом следует назвать творческой!

Оператор Вадим Юсов — большой мастер, наша с ним работа запомнится мне надолго.

Мы объехали половину Грузии в поисках нужной натуры. Вся благословенная природа моей родины предстала перед нами, а глаз оператора все искал самый выразительный пейзаж, самую живописную улочку, самый киногеничный домик. Это — взыскательность настоящего художника.

У Георгия Данелия необыкновенно сильный художественный темперамент. Наблюдать за ним во время работы было увлекательно. Внешне такой сдержанный, внутренне он весь в напряжении, такой внимательный к

чужому мнению, он всегда настойчив и уверен в себе. Никого не подавляя, он убеждал всех.

В картине «Не горюй!» я старался сделать все, что мог, и я не боюсь признаться, что доволен своей работой. На этой картине я сделался моложе, — спасибо ей за это!

ВАЛЕНТИНА ГРАКИНА, редактор

Сейчас, когда забылись неприятности и огорчения, кажется, что картина была легкой и удачливой.

Да она такой и была! Быстро и весело писался сценарий, у редактора с автором не было крупных разногласий, легко и без задержек прошел сценарий весь свой технологический путь — и вот уже в одной из многочисленных комнат киностудии «Мосфильм», за дверью с табличкой «Не горюй!» собрались постановщик, оператор, художник, звукооператор, второй режиссер и редактор.

Конечно же, каждый из нас чуть ли не наизусть знал сценарий Резо Габриадзе. Конечно, все мы, веселясь, читали роман Клода Тилье. Не были тайной для нас и концепция режиссера, его постановочный замысел. Каждая черточка характера персонажей, каждый сюжетный поворот были сто раз выверены.

И все-таки перед нами была неизвестность.

Каждый уже создал себе собственный фильм по прочитанному сценарию, и все эти проекты были мало похожи друг на друга. Больше других знал режиссер — на то он и режиссер! Но все главное было еще впереди. Пока мы спорили по частным поводам, медленно вызревало это главное — дух, ритм, настроение, образ будущей картины.

Теперь смешно и вспомнить наши споры. Художник доказывал, что лестница расположена правильно, а

дверь, навешенная вот так, позволит съемочной камере двигаться наилучшим образом. Оператор возражал: во-первых, камере не развернуться, а во-вторых, освещение при этом будет вовсе не то, какое нужно. Режиссер молча выслушивал всех и решал: вместо внутренней лестницы сделаем наружную, хотя в связи с этим, вероятно, придется переписать всю сцену...

А какая мебель будет о комнате Софики? Тахта или кровать? Лампа какая — висючая или настольная? Где поставим стол Луки, за которым переписывает он свои бумаги? Какая будет у него чернильница, какое перо — гусиное или стальное?.. И снова все сначала — аргументы, возражения, спор, и, наконец, решающее слово режиссера, которое, кажется, все принимают с облегчением...

В этих спорах складывались стиль и образ картины, общие для всех, кто был причастен к ее созданию: поистине, фильмы не только коллективно создаются, но предварительно еще и коллективно воображаются! Вот почему даже вынужденная импровизация на съемочной площадке в конечном счете рождалась из суммы этих вариантов, пусть даже некогда обсужденных и отвергнутых.

Почему, например, столько интересных идей относительно декораций или интерьеров приходило в голову нашему художнику? Потому что он очень хорошо знал, чего хотят режиссер и оператор. Фантазия у него богатая, и если он видел, что где-то что-то затормозилось, то тут же стремился найти и, как правило, находил какой-то выход, и почти всегда это было интереснее, дешевле и лучше. Так вместо постройки огромной декорации «замок князя» Дмитрий Такашвили предложил использовать Дворец пионеров (бывший дворец наместника Кавказа) — в нем была снята вся сцена с князем. Вместо постройки декорации «двор тюрьмы» он предложил снять эту сцену на фоне старой стены в разва-

линах знаменитого Джвари, старинного памятника грузинской архитектуры...

Как магнит притягивает к себе частицы металла и отвергает все прочее, так и многочисленные подробности постановочного проекта принимались либо отвергались в зависимости от того, насколько были они полезны для развития сюжета.

Вот что более всего заботило авторов: сюжет. Порыв, движение, нарастание, действие. Жизнь, передаваемая естественно, но не обыденно. Знакомое, но не банальное. Ничего примерно, приблизительно — только точность. Психологическая мотивированность каждого поступка, каждой реплики. Чистота переживаний, не замутненная никакими побочными целями, посторонними соображениями, хитроумными намеками на нечто совсем иное.

Когда снимается фильм — теоретизировать некогда. Да режиссер Г. Данелия, кажется, и не склонен к этому занятию. Но если собрать воедино все разрозненные впечатления от работы режиссера, смысл его кратких реплик и более пространных бесед легко складывается в формулу творческого кредо: фильм предназначен для восприятия возможно большим количеством зрителей, следовательно, его образная система должна отвечать внутренним закономерностям восприятия.

Вроде бы чего уже проще, все бесспорно! Но давайте припомним, многие ли фильмы свободны от манерной заданности, внезапных отступлений куда-то в сторону от цели, произвольных авторских пристрастий и отталкиваний?

Талант Г. Данелия — редкий по нынешним временам талант. Его последняя картина убедительно это доказывает. Фильм «Не горюй!» — трагикомедия, то есть труднейший, редкостный жанр, в котором так мало удач и так много провалов. Не обладающим внутренним, душевным равновесием за трагикомедию лучше не

браться: это занятие потруднее хождения по канату. Подумать, в самом деле: комедия с несчастливым финалом! Комедия, в которой три смерти, одна другой трагичнее! Трагедия, в которой чуть ли не все персонажи пляшут и поют! Трагедия, на которой зрительный зал так часто и легко смеется!

Поставить перед собой такие задачи — большая дерзость. Решить их — огромная удача, главная причина которой во внутренней гармоничности таланта режиссера. Как бывает абсолютный слух, так, вероятно, бывает и абсолютный вкус.

Наше время смешивает краски и жанры, наш век разогнан чуть ли не до первой космической скорости. Перемешаны, сближены друг с другом смешное и трагическое, жуткое и трогательное, высокое и низкое. Сглаживаются переходы в восприятии, а установочные реакции зрителя, наоборот, становятся все резче. Может ли искусство не следовать требованиям времени? Но сколь многие качества требуются от смельчаков!

Гармоничность, которая встречается реже таланта. Чувство юмора.

Темперамент вулканический.

Самодисциплина жесточайшая.

И уже, конечно, некоторое правдоподобие даже в изображении добрых дел.

Задачи эти трудны и для сольного исполнения. Что же сказать о режиссерах кино, дирижирующих огромными ансамблями исполнителей ролей, функций, обязанностей, каждый из которых непременно должен быть творческим человеком, то есть в какой-то мере соперником и оппонентом режиссера? Если серьезно вдуматься, такие ансамбли не фальшивят лишь потому, что сами этого не желают в своем общем стремлении к единой цели.

И тут особое значение приобретают глаз, рука и характер режиссера.

Очень интересно было видеть, как режиссер присматривается, прислушивается к актеру, старается понять его видение образа, его трактовку роли. Это как бы процесс взаимного узнавания. Георгий Николаевич слушает и смотрит; бросит реплику, замечание, помолчит, опять скажет фразу. Он постепенно стягивает актера (равно как оператора, художника, декоратора) в атмосферу активного мышления и самостоятельности действий. Со стороны создается впечатление, что именно вот здесь, на площадке, в тесном общении с исполнителем находятся все нужные нюансы, слова, поступки, жесты. Очень убедительная иллюзия импровизации. На самом же деле все давно обдумано и спланировано режиссером, вплоть до отдельных кадров и планов.

Помню, как снималась первая сцена (на которой идут титры) — возвращение Бенжамена от больного. Снимали Бенжамена, едущего на ослике, и шагающего рядом Косту. Я не могу сказать, сколько было вариантов — наверняка не один десяток. Снимали общий план, спереди и сзади, слева и справа, потом несколько средних планов, потом крупные. Снимались ослик, его ноги,

круп, хвост, его тень, уши, отдельно ноги Бенжамена. Все это потом было использовано при монтаже картины. Значит, когда снимали, режиссер точно знал, что ему может понадобиться.

А сколько терпения, настойчивости, тихого упрямства, убежденности, силы воли было потрачено на съемки таких сцен, которые потом либо совсем выпали при монтаже, либо сократились до нескольких мгновений экранного времени!

Сцену «смерть Ишхнели» режиссер и оператор заранее обговорили, прикинув несколько вариантов. Сняли два. Очень долго репетировали, не раз менялись мизансцены, точки съемки, реплики персонажей. На это ушел почти весь съемочный день. В фильме же эта сцена заняла всего несколько секунд: Ишхнели выходит на ступеньки вокзала и тут же падает.

Но все эти заботы и труды не были обременительными для группы; поиски и ожидания решений — вот что изнуряет. В картине самым серьезным решением был выбор актера на главную роль.

Большинство ролей еще в сценарии создавались с расчетом на уже известных исполнителей. Остальные роли были расписаны позже, но так же легко и безошибочно. А Бенжамена Глonti все не было. По разным причинам одна за другой отпадали намеченные кандидатуры, пока не остался один Вахтанг Кикабидзе.

Признаться, мне казалось, что риск неоправданно велик. В сущности, речь шла о том, быть или не быть картине: все зависело от исполнителя главной роли. А в этой кандидатуре было столько же за, сколько и против. В самом деле: эстрадный артист, певец. Манера держаться абсолютно современная. В кино снимался, но не слишком удачно...

Но — необычайно легок, пластичен, естествен. Внимателен, трудолюбив, усерден. Обаятельный без кокетства, темпераментный без истеричности.

Г. Даниеля рискнул — и выиграл. Но это не было выигрышем в лотерею. С решения все только началось: беседы за полночь, уточнения диалогов и целых кусков сценария и — репетиции, репетиции, репетиции.

А теперь кажется, что иного Бенжамена просто и быть не могло.

Все-таки это странный род занятий: актерский труд — и какой же тяжкий труд! Странен и прекрасен, как весь этот мир кино, где чудеса планируются заранее, и, хотя вместо них происходят другие, все-таки в результате возникает самое большое чудо: готовый фильм — новый, цветной, широкоэкранный, звуковой и музыкальный, веселый и грустный мир, населенный людьми, ничем на нас не похожими — и многим нас напоминающими, мир придуманный — и все-таки настоящий.

Может быть, экранная придуманная жизнь потому похожа на настоящую, что фильм строится так, как строится жизнь: от младенчества замысла — к зрелости готового фильма; от первых, еще бессвязных картин и впечатлений — к философской и эстетической завершенности; строится из добра и зла, смертей и рождений, удач и провалов, горя и радости; строится из творческих восторгов и огорчений, споров, компромиссов и побед.

Поэтому оно и прекрасно — кино!

